



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ ФРУМКИН

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Сергей Аркадьевич Фрумкин

Предназначение

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124720

Альфа-книга;
ISBN 5-93556-469-6

Аннотация

Что есть судьба? Тоннель со стальными стенами или дорога с множеством перекрестков? Чем грозит завтра: королевским престолом или крошками у подножия человеческой пирамиды? Можно подождать и увидеть (от судьбы ведь все равно не уйдешь!) или рискнуть всем, поставить на карту жизнь и, не полагаясь на улыбку Провидения, самому отыскать путь к славе и счастью. А уж вера в удачу, острый клинок Избранного, твердость руки Мастера и мудрость запрещенного знания непременно помогут...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	35
Глава 3	59
Глава 4	75
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Сергей Фрумкин

Предназначение

Пролог

Если представить себе ночной клуб, расположенный в самом центре большого современного города, если предположить, что музыка, меню, обстановка и свободная, лишенная условностей атмосфера способны наполнить тело исключительно ощущениями и избавить от мысли даже самую перегруженную проблемами голову, если учесть, что аура этого места в равной мере притягивает к себе как простых людей, так и знаменитых, как бедняков, так и миллиардеров, то перед глазами предстанет зрелище эдакой цветущей ярчайшими цветами трясины, эдакой рулетки, на которую не следует ставить мимоходом, хорошенько не подумав, чем может на этот раз обернуться желание с интересом и удовольствием потратить свободное время и запасенную в кармане мелочь. Если же к данному описанию злачного места добавить, что приютивший его город – столица некоего торгового мира, а мир этот по прихоти судьбы оказался на пересечении нескольких прямых, соединяющих богатые и могучие звездные системы, то тревогу, внушаемую стеклянными дверями под светящейся и манящей вывеской, осторожному челове-

ку лучше умножить на десять и возвести в степень...

Однако юношу, который субботним вечером вошел в самый популярный клуб Алтора, столицы Таргуса, казалось, меньше всего волновали вопросы собственной безопасности. Он был одет в зеленый многофункциональный комбинезон, не говорящий ни о достатке, ни о географической принадлежности, ни о положении в обществе: удобная, практичная и все еще достаточно модная униформа в равной мере могла облегать как статное тело капитана галактического лайнера, так и мускулистую фигуру рабочего из технического персонала с той же посуды или даже всегда смотрящего под ноги и потому всегда чуть сгорбленного горожанина Алтора.

Ростом юноша был чуть выше среднего, если в таком месте, где то и дело встречаются люди из самых разных уголков космоса, вообще стоит говорить о чем-то среднем. Телосложение его можно было назвать красивым, но не атлетическим. Правильные черты лица, обрамленного длинными темными прямыми волосами, были благородны. Хотя, возможно, впечатление это производили не столько острые скулы, прямой нос, черные брови, высокий лоб и напряженно поджатые губы, сколько осанка молодого человека и его манера держать голову; они-то как раз и придавали парню впечатляющие статность и элегантность. Определить возраст вновь прибывшего было сложно – не только потому, что более или менее обеспеченные галактические жители совер-

шенно одинаково выглядели и в тридцать, и в двести тридцать так называемых «земных» лет, но и потому, что он относился к тому типу людей, которые визуально всегда кажутся моложе своих лет. Лишь более пристальный взгляд подсказывал, что новый посетитель не перешагнул еще тридцатилетний рубеж – серые живые глаза парня говорили о природной остроте ума, но никак не о спокойной и трезвой мудрости, которую приносят людям прожитые годы.

Немного нервно, но уверенно, без малейшего опасения показаться нахалом, гость скользнул глазами по лицам обитателей клуба. Зал еще не наполнился и наполовину. Очевидно не обнаружив того, кого искал, парень направился к грузному бармену, склонившемуся над архаичного вида барной стойкой в самой дальней части просторного помещения.

Не утруждая себя приветствиями и пожеланиями здоровья или доброго вечера, гость произнес:

– Хочу видеть капитана Марэнти!

Бармен заметно вздрогнул. Его взгляд изменился на слове «Марэнти» – потемнел и наполнился неприязнью, но на лице отразились совсем иные чувства: – Губы растянулись в насмешливой улыбке, слова же дали понять, что гость здорово промахнулся, осмелившись заговорить здесь тоном хозяина:

– «Хочу»?.. – протянул бармен. – Я тоже много чего хочу, сопляк! Тебе сколько лет? Семнадцать?

Хотя парень и производил впечатление гордого собой че-

ловека, в данном случае он не оскорбился. Смело заглянув в глаза бармену, который превосходил его в росте чуть ли не на голову, а в весе вообще в несколько раз, молодой человек дал понять, что задет только ошибкой, умалившей его возраст:

– Девятнадцать! – Юноша взмахнул рукой и со звоном швырнул на стойку вытянутый стальной предмет, треугольником заострявшийся с одного конца и имевший тяжелую гарду и рукоять с углублениями под пальцы с другого. Это необычное для Таргуса изделие было искусно украшено драгоценными камнями и сложными узорами, образованными полосами из благородных металлов.

Бармен внешне сделал вид, что не понимает, зачем ему показывают такую красивую штуковину, сам же втихую нажал кнопку тревоги под столешницей стойки.

– Что ты хочешь мне сказать? – Алторец хмуро склонился ближе к лицу наглого мальчишки, дабы поколебать уверенность последнего в собственной неприкосновенности. – У нас не положено класть на стойку личные вещи! Убери это! – И бармен с показной брезгливостью кивнул на предмет.

Юноша немного смутился. Он явно ожидал другой реакции. Решив, что следует быть убедительнее, парень придвинул предмет ближе к себе и потянул за рукоять. Из чехла-ножен плавно выскользнуло острое плоское стальное лезвие. Юноша посмотрел на алторца, полагая, что теперь его пой-

мут правильно. Лицо бармена сохранило выражение брезгливости и недоумения – если этот человек и видел когда-либо благородное оружие древних, то не хотел показать, что знает, как острая полоска металла характеризует того, кому служит.

Недовольно нахмурившись, юноша сжал рукоять в ладони и покрутил сверкающим в лучах световых эффектов мечом перед самым лицом бармена, теперь уже не сомневаясь, что тот притворяется.

– Ты не знаешь, что это? – нервно дрогнувшим голосом, выдававшим нетерпение, спросил юноша.

– Это меч, молодой человек. – Бармен спокойно пожал плечами. – И что с того? Ты намерен мне угрожать? Не разумно! Если не знаешь: наши правители не поддержали Конвенцию. Здесь разрешено ношение игрушек куда серьезнее!

Рука бармена с зажатым в ней ручным поляризатором метнулась из-под столешницы к голове юноши.

– Огнестрельное оружие? – Парень ничуть не испугался, чем на этот раз в свою очередь удивил алторца. – Странно...

Вместо того чтобы напряженно сжаться, юноша словно задумался. Бармен свел брови – нестандартное поведение гостя показалось ему странным... Невольно взгляд алторца привлекла левая рука парня: в какой-то момент, еще во время разговора, в ней оказался бокал с заказанным одним из посетителей дорогим напитком. Теперь этот бокал падал на пол из намеренно разжатых пальцев. Бармен инстинк-

тивно попытался спасти вверенную ему собственность и не уследил за движением правой руки гостя: украшенным бриллиантами набалдашником рукояти меча юноша с силой ударил по костяшкам пальцев противника, легко и далеко выбив излучатель. В следующее же мгновение локоть парня выпрямился – острое меча метнулось вперед и замерло, чуть уколыв кадык увальня и заставив того вздрогнуть, теперь уже непритворно.

– Я не для того поставил за стойку живого бармена вместо робота, как делают в забегаловках второго сорта, чтобы в него тыкали острыми предметами! Вам же идешь навстречу, создаешь душевную обстановку, а чем вы мне платите?!

Юноша слегка обернулся. За его спиной стоял дородный, хорошо одетый мужчина средних лет. Судя по горделивой осанке, по скрещенным на груди рукам и тону произнесенных слов, – управляющий или владелец этого заведения. При нем были трое внушительного вида громил, вооруженных двуручными излучателями. Вновь обратившись к бармену, юноша боковым зрением отметил еще троих парней с оружием, быстро приближавшихся с противоположной стороны, через зал.

– Опустит меч, руки за голову, тихонько пройди к выходу! – убедившись, что юноша увидел все, что было нужно, приказал управляющий. – Надеюсь, больше мы тебя здесь не увидим?

Музыка, приглушавшая разговоры, полумрак и мелькание разноцветных огней не позволили посетителям в разных частях зала понять, что у барной стойки происходит что-то неладное, или же завсегдатаи клуба настолько привыкли, что кого-то выбрасывают за дверь, что не обращали на это внимания. Юноша отметил про себя, что обстановка в зале остается спокойной. Его держали на мушке шесть профессиональных охранников, а на случайное вмешательство кого-то из посетителей вроде бы надеяться не приходилось.

В такой ситуации любой нормальный человек предпочел бы уступить требованиям безопасности. Охрана и управляющий даже не сомневались, что юноша именно так и поступит. Возможно, уверенность и притупила их бдительность; возможно, юноша обладал необыкновенно развитой реакцией – никто из вооруженных людей не успел среагировать, когда парень неожиданно бросился на пол, используя как центры вращения своего тела первоначально левую руку, затем колено и вновь руку, каким-то невероятным образом крутанулся на полу, очень быстро преодолел расстояние между управляющим и стойкой и вскочил на ноги, скользя при этом по телу хозяина клуба как по стене, чем сделал небезопасной для последнего любую попытку охраны выстрелить.

Мгновение всеобщего замешательства – и юноша стоял за спиной управляющего, а его меч лезвием плотно прижимался к незащищенной шее мужчины. Ошеломление и испуг

затуманили взор заложника, но ненадолго – ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы понять, что преимущество все равно на стороне его сотрудников. Юноша ждал, очевидно, пока охрана сделает необходимые выводы.

– Не глупи! – хриплым голосом побормотал управляющий. – Они не промахнутся, как бы ты ни старался прикрыться мной!

– Если выстрелят, – громко, чтобы слышали охранники, объяснил юноша, – я упаду. Под моим весом меч отсечет тебе голову – он настолько острый, что даже не почувствует сопротивления костей позвоночника.

Теперь уже посетители не могли не обратить внимания на переполох у барной стойки. Не захотели они и дальше оставаться безучастными – кто-то затих, всматриваясь и вслушиваясь, кто-то поспешил на всякий случай выбраться на улицу, кто-то подался поближе, чтобы не пропустить интересного, с его точки зрения, зрелища.

– Замечательно! – краснея от бессильной ярости, прохрипел управляющий. – А что потом?! Мою голову пришьют на место – я у себя дома. А за твою жизнь никто не даст и гроша!

– Наоборот, – уверенно заявил юноша, – меня оживят, а тебя не посмеют. Поединок был равным, ты проиграл, значит, тебе ПРЕДНАЧЕРТАНО умереть здесь и сейчас от моей руки!

– Вы... – стал догадываться управляющий, но неумолимо

надвигавшийся ужас вот-вот мог помутить его разум...

– Вот именно! – нервно облизав губы (очевидно, его все же сильно беспокоили прицелы охраны), кивнул парень.

– Но что вы от меня хотите? – Управляющий махнул рукой, приказывая охране опустить оружие.

– Я уже сказал этому... у стойки: мне нужен капитан Марэнти...

– Марэнти? – Хозяин клуба наморщился, не понимая, о ком его спрашивают и почему он обязан этому человеку своим нынешним унижением. – Пилот, что вернулся из Храма Гордыни?

– Именно! – Голос юноши стал выше, выдав зрителям невольную радость.

– Но его здесь нет! – обрадовался управляющий. Он даже чуть повернулся, ожидая, что захват ослабеет, как только агрессивный инопланетянин поймет, что обращается не по адресу.

– Но он был здесь?! – Юноша нахмурился и, напротив, нажал мечом на горло заложника посильнее.

– Здесь бывает много народу, молодой человек! Марэнти – популярная личность. О нем передавали в новостях. Он любил собирать слушателей. Болтал больше, чем нужно...

– Короче! – поторопил парень. – Где Марэнти сейчас?!

– А вас интересует сам Марэнти или же его Храм? – осмелился предположить хозяин.

– Какое тебе дело?! – резкий окрик юноши лишь подтвер-

дил догадку управляющего.

– ...как и Хамовников Провидения?

– Кого? – Парень невольно вздрогнул.

Понимая, что на этот раз он на верном пути, управляющий закончил мысль:

– Вы опоздали – они оказались здесь раньше вас. Я всегда говорил, что язык Марэнти не доведет его до добра...

– Ты сказал, Хамовники... – перебил юноша. – Где эти люди сейчас?

– Возможно, в порту... Прошло всего пара часов...

– Пара часов, как они взяли Марэнти? То есть я могу догнать их, пока корабли не покинули систему...

– Я думаю...

Управляющий начал, но закончить не смог: в распахнувшиеся двери ворвалась группа вооруженных людей – двадцать прекрасно экипированных солдат, геральдические гербы на шлемах которых сообщили о принадлежности к армии одной из королевских семей космоса. Первым шел двухметрового роста богатырь в белом офицерском кителе, очевидно старший офицер в этой группе.

– Ваше высочество! – в ошеломлении взирая на столпотворение у барной стойки, проревел офицер. – Как же вы...

– Не время...

Юноша знал этих людей. Он оттолкнул своего заложника, подхватил ножны со стойки, вернул в них меч и спрятал оружие в специальный потайной карман брюк.

– Они могут уйти!

Вновь прибывшие не бездействовали. Пока молодой человек приводил себя в порядок, солдаты разоружили охрану клуба, заставили зрителей отступить и за какие-то секунды расчистили пространство вокруг мальчишки, управляющего и старшего офицера.

– Ваше высочество! – Богатырь укоризненно покачал головой. – Но почему же вы не подождали меня?!

– Это МОЯ судьба, Латорон! Или я справлюсь, или...

– Зачем же вам тогда Проклятые?! – не сдержавшись, уколол офицер.

Юноша свирепо сверкнул глазами, но не стал унижаться до спора. Он сделал жест головой, призывая людей следовать за собою, и поспешил к выходу.

Глава 1

Бледно-голубые лучи двух маленьких лун озаряли скалы Атонга слабым холодным светом, в котором тени уступов становились почти осязаемо черными, пропасти – бездонными, а тропы, проложенные в горах механическими роботами монахов, терялись в коварной дымке полумрака. Здесь ничего не стоило оступиться и потерять равновесие, что было бы равносильно гибели.

По одной из троп, петляющих вокруг острого черного пика Обзорной скалы, неторопливо шагал человек в сером плаще и клобуке, скрывающем его голову и лицо. Тропа была вырублена прямо в отвесной стене и даже днем требовала максимального внимания: срывающиеся с нее камни пролетали больше двух километров до каменного плато внизу. Однако путник пренебрегал опасностью – его руки были сложены на груди и вложены в широкие рукава плаща: правая – в левый, левая – в правый. Они не успели бы послужить в момент опасности ни балансиром, ни страховкой. Голову он держал прямо – в таком ее положении глаза могли следить за теряющимися в полумраке поворотами и зигзагами, но никак не за предательскими неровностями под ногами. При этом человек ступал так уверенно и твердо, словно пересекал ровное поле...

Ночной странник остановился только тогда, когда ноги

привели его на площадку с небольшой смотровой башенкой на самой вершине – на самую высокую точку горного массива. Отсюда открывался вид на многие километры угрюмых, темных даже днем скал, где звездное небо выглядело светящимся бескрайним куполом и обрушивалось на ничтожного смертного, осмелившегося поднять голову. Место, облюбованное монахами для медитации и размышлений о вечном. Место для осмысления прошлого и проникновения в будущее... Место, откуда хорошо был виден монастырь Изгнанных, аскетические строения которого врубались в негостеприимные, как и все на Атонге, базальтовые плиты ничем не выделяющейся из космоса скалы Мира...

Человек скинул капюшон и поднял голову, медленно обводя взглядом небосклон вдоль горизонта. Ночное небо выглядело как обычно. Каждая звездочка располагалась на том месте, где она должна была быть в это время суток и в этот период года. Но человек продолжал всматриваться, ожидая подтверждения своему предчувствию, заставившему его подняться с постели и проделать тяжелый путь на вершину Обзорной скалы. Холодный ветер развеивал полог просторного одеяния и густые черные волосы, резал глаза ледяной пылью и мешал дышать. Человек не обращал внимания на телесные неудобства и не слышал ничего, кроме собственных мыслей.

Наконец какое-то едва уловимое изменение заставило неизвестного остановить взгляд и присмотреться к опреде-

ленной области на небесном своде: далекие звездочки погасли и появились вновь, потом снова погасли, чтобы уже не загореться. Человек понял, что верно определил причину явления, когда разглядел быстро увеличивающееся темное пятно – погаснувшие звезды больше не появлялись, а чернота словно расплзлась в разные стороны, погашая новые и новые «точечные светильники ночи». На небе прорисовывался большой темный объект, который не перемещался по небосклону, а падал вниз, стремительно разрастаясь.

Человек прислушался к шуму ветра, позволяя себе насладиться последним мгновением тишины и записать в тайники памяти последний миг спокойной гармонии этого места, долгие годы не знавшего разрушительного вмешательства космической цивилизации.

Вдруг темный объект дал о себе знать – небо громыхнуло разрывающим слух ревом двигателей. Человек даже не вздрогнул, словно точно знал, в какой момент нужно будет понизить порог восприятия барабанных перепонок. Он продолжал спокойно смотреть на исчезающие звезды и отмечал про себя, что пришелец спускается чуть в стороне от Обзорной скалы, над самым монастырем. Кто бы ни были люди, явившиеся с неба на невидимом пока корабле, они явно были хорошо информированы. Слишком хорошо, чтобы попытаться что-то исправить.

За ревом двигателей последовал пронизывающе-высокочастотный визг направленного на скалу Мира паралитиче-

ского луча. Даже на расстоянии в несколько километров странник почувствовал нервный озноб и отметил, как по коже побежали мурашки. Люди же, оставшиеся сейчас в монастырских кельях, должны были потерять даже способность мыслить...

Луч бил недолго – пришельцы не хотели убивать свои жертвы. Догадка об их намерениях взять монахов живыми вскоре подтвердилась: на скалу Мира камнями обрушились десантные боты, которые, словно насекомые, стали виться вокруг окон и ворот, отыскивая ниши, куда можно было поместить стальные корпуса, чтобы закрепиться в неподвижном положении и выпустить солдат в защитных скафандрах и военных роботов на многочисленных телескопических лапах...

Странник смотрел спокойно и даже равнодушно, не сопереживая тем, кто долгие годы считал его своим учителем, единомышленником или другом, не думая о своем собственном положении. В лучшем случае он мог остаться в одиночестве, без средств к существованию, без оружия и связи, наедине с миром, который при всем желании нельзя было назвать гостеприимным.

Штурм только начался, но человек заранее знал, чем все кончится. Его глаза следили за суматохой огней у скалы, на протяжении многих лет дававшей приют ордену монахов-отступников, а мысли все более обращались к тем, кто должен был явиться с противоположной стороны и сейчас

наверняка крался где-то недалеко, скрываясь в тени самых больших камней и опасаясь попасться на глаза штурмующим монастырь.

Даже почувствовав, что он уже не один, странник не поспешил повернуться лицом к возможной опасности. Какое-то время он все еще взирал вдаль и ожидал, что гости сами сообщат о причинах, заставивших их так осторожничать, а когда все же повернул голову, то сделал это неторопливо и без любопытства – только для того, чтобы показать, что он знает об их присутствии. На площадке Обзорной скалы и в самом деле стояли несколько мужчин, а рядом, скрываясь за уступом, завис в воздухе хрупкий гражданский катер-челнок. Гости были в защитных скафандрах, с оружием, но враждебности не проявляли. Ближе всех к единственному обитателю продуваемой всеми ветрами башенки осмелился подойти худощавый и невысокий темноволосый юноша.

– Вы чего-то хотели? – наконец спросил ночной странник. Его голос оказался чуть хрипловатым, усталым, но позволил гостям почувствовать силу не сломленного невзгодами духа.

– Помочь вам! – поеживаясь от холода и от осознания смелости шага, который намеревался сейчас предпринять, признался молодой командир.

– Я говорил, что нуждаюсь в помощи? – удивился Жрец Времени.

– Нет... – Юноша немного смутился, но доносящийся от скалы Мира шум подтвердить верность его слов. – Но это

ведь очевидно: ваш монастырь сейчас разоряют?

– И ты пришел, чтобы спасти мою жизнь?

– Да!

– Зачем? – Отшельник повернулся лицом к людям, так необдуманно назвавшимся его спасителями. Большие, черные как уголь глаза в упор заглянули в глаза юноши, заставив того вздрогнуть от неожиданности и заморгать, подавляя невольное желание отвернуться.

– Чтобы помочь... – пробормотал командир.

– Не думаю. – Монах покачал головой. – Ты пришел, чтобы просить о помощи. Так ведь?

Глаза юноши потрясенно расширились, но вместе с удивлением и испугом в них появилась и вера в чудо.

Жрец получил ответ на свой вопрос.

– Ты готов обожествить меня? – понял он.

– Вы ведь монах из Храма Гордыни? Вы – Жрец Времени?

Отшельник пожал плечами:

– Если так, подумай сам: зачем тебе человек, который не способен спасти даже собственную жизнь? Разве то, что ты сейчас видишь, не доказывает мое бессилие?

– Мне нужно только немного везения... – нервно сглотнув, объяснил юноша.

Жрец чуть поднял брови, показывая, что удивлен самой постановкой вопроса.

– Ты рискуешь, похищая меня из-под носа Хамовников, чтобы в благодарность я одарил тебя только «везением»?

А не боишься, что выйдет наоборот? Что сделают фанатичные служители Провидения, когда узнают, что по вине некого молодого человека один из их самых непримиримых врагов вырвался на свободу? Оглянись вокруг: эти голые скалы, этот ядовитый свет лун, озаряющий лишенную жизни пустыню, эти солдаты, которые сейчас обыскивают кельи первобытных пещер, – разве так должны жить люди, которым везет?

– Я слышал: вы не цените то, что дорого нам.

– Возможно, – кивнул жрец. – Но тогда почему я должен бежать с тобой? Какую ценность я должен сберечь, унижая достоинство бегством?

– Вашу веру!

– «Веру»? И мы, и они, – жрец показал на темное пятно крейсера Хамовников, нависшего над скалой Мира, – верим в одно. У нас нет веры, молодой человек, есть только знание.

– Тогда спасти ваше знание!

– Спасти знание? Ты предлагаешь взять тебя в ученики?

– Да!

Поспешность, с которой явно не ожидавшей последних слов юноша клюнул на предложение, заставила жреца чуть улыбнуться – молодой человек жаждал достичь цели, но даже не имел представления, каким путем намеревался идти.

– Как ты нашел нас, юноша?

– Капитан Марэнти. Его корабль сбился с курса и случайно посетил это место. Капитан видел ваш монастырь.

– Нет ничего случайного... – напомнил жрец. – Марэнти указал тебе путь?

– Не мне, – юноша покачал головой и кивнул на крейсер Хамовников, – им.

– А как сюда попал ты?

– Шел за ними.

– Все время?

– От Таргуса.

– Ты видел их – они видели тебя? Они знают, что в атмосферу Атонга вошло два корабля, и, как только справятся с монастырем, начнут искать незваных попутчиков?

– Они видели мой галеон, но не знают, кто я. Мы не отвечали на их запросы, а они слишком спешили, чтобы разобраться с преследователями. Кит не особенно волновался о плывущей следом маленькой рыбке... – Юноша бросил взгляд на скалу «Мира» и нервно передернул плечами. – Но вы правы: нам нужно спешить! Если с крейсера заметят нашу группу...

– Подумай, – в последний раз попробовал возразить жрец, – если мы те, кого ты разыскиваешь и есть люди, способные подарить кому-либо везение, значит, пожелай мы избежать пленения, то без труда бы претворили желание в жизнь? Разве то, что я стою здесь один, лишенный транспорта и оружия, не доказывает тебе мою неспособность противостать воле судьбы?

– Возможно, вы знали, что сюда придем мы? Или мы здесь

потому, что вы этого захотели?

Жрец вновь улыбнулся. При этом его лицо словно осветилось в темноте ночи.

– Из тебя получится хороший ученик, – похвалил он. – Ты настойчивый. Без меня ведь все равно не уйдешь?

– Не уйду! – обрадовано кивнул юноша, понимая, что ему наконец уступают.

– Тогда нам и в самом деле лучше поторопиться! – Приняв окончательное решение, жрец накинул на голову капюшон и шагнул к катеру.

Катер никто не преследовал. Корабль юноши ждал в пяти сотнях километров от Обзорной скалы – прятался в глубоком ущелье. Назвать его галеоном можно было с большим трудом, и то скорее из-за формы, придававшей лайнеру некоторую дополнительную визуальную тяжесть, и наружной отделки, использующей мотивы далекой земной истории, нежели из-за размеров или внушительного вида: размеров этот корабль был небольших, если не сказать маленьких, а внушительным выглядел только на фоне катера. Внутри поддерживался тот же стиль – мраморные колонны, золотые светильники и отполированный деревянный паркет создавали смешанное ощущение роскоши и средневековой архаичности.

Из катера вместе с юношей и жрецом вышли десять солдат. Еще двадцать мужчин ждали в порту галеона, куда при-

землился катер. Они были готовы оказать любую помощь, какая только понадобится.

– Отчаливаем! – коротко приказал юноша, скидывая с себя кирасу защитного скафандра.

Окружающие оживились.

– Сколько здесь человек? – поинтересовался жрец.

– Сто плюс я, – объяснил молодой человек. – Идемте в мой кабинет, – там уютнее.

По ярко освещенным, красивым, как галереи дворца, коридорам юноша, его гость и трое офицеров охраны прошествовали в «кабинет» – круглый изумрудный зал с тяжелым столом посередине и четырьмя вполне современными креслами, расставленными вокруг стола.

– Домой? – с отеческой заботой в глазах спросил у юноши самый крепкий мужчина его охраны.

– Запутаем следы, Латорон, и домой, – кивнул парень.

Жрец поднял брови, удивляясь незнакомому определению.

– Что значит «путать следы»? – спросил он.

Латорон уже исчез за дверью, юноша указал гостю на кресло и сам опустился в другое.

– Если нам повезет выбраться из системы, пока нет погони, – объяснил он, – мы разгонимся в произвольную сторону. Потом затормозим и поправим курс, чтобы лететь туда, куда нам надо на самом деле.

– Возможно, я слишком давно никуда не летал. А как же

«маршрутные карты», коридоры с расписанием движения?

– Их сочли бесполезными: коридоры требовали постоянных капиталовложений на обслуживание узловых станций, на содержание военного флота, отвечающего за соблюдение надуманных правил движения и безопасность торговых кораблей с ценным грузом, координаты которых, по этим же правилам, злоумышленники могли рассчитать в любой момент, на бюрократический аппарат, который всем этим управляет... А вероятность того, что в космосе встретятся и столкнутся два галактических лайнера (во избежание чего и делали коридоры), невероятно ничтожна. Корабли скапливаются, конечно, вблизи населенных планет... ну так там все сбрасывают скорость, а это позволяет маневрировать. Аварии происходят не слишком часто, и уж точно не чаще, чем раньше... Какой смысл заставлять всех следовать графику?

Жрец вздохнул.

– Еще одно изобретение человечества, канувшее в забвение, – скорее для самого себя, чем для собеседника, отметил он. – И на какой же научной теории основан метод «путать следы»?

Юноша пожал плечами:

– Если с самого начала, то для корабля,двигающегося со скоростью выше скорости света, материя нашего измерения перестает существовать – материальные объекты (планеты, звезды, метеориты, другие корабли) превращаются в те-

ни, через которые можно пройти, как сквозь туман в атмосфере, – ничто, кроме собственных фантазий, не мешает людям двигаться напрямик. Коридоры придумали потому, что первое время не представляли, чего ждать от незнакомого измерения. Ну и для того, чтобы не столкнуться с каким-нибудь лайнером, идущим на столь же высокой скорости. Потом время показало, что люди здорово перестраховались, – коридоры убрали. Сейчас все просто: выбирай направление на конечную точку и разгоняйся – ориентироваться среди теней невозможно, поэтому лучшая траектория – прямая линия. Действует только одно правило: миры, где живут люди, нельзя пересекать на сверхскорости. Никто не знает, что может случиться, если сквозь тебя пройдет крейсер, который движется так быстро, что нет смысла думать, был ли он вообще здесь или его здесь не было. Но никому не хочется, чтобы через его мир проносились лайнеры-невидимки. Принято соглашение, запрещающее двигаться на засветовой скорости через населенные мыслящими существами системы. Если между начальной и конечной точкой маршрута живут люди, каждый корабль возвращается в нормальное пространство прежде, чем войдет в систему светящего людям солнца. Что же касается объектов, которые двигаются на сравнимой с разогнавшимся кораблем скорости, они сохраняют для последнего все свои материальные характеристики: их можно видеть, с ними можно столкнуться. Вот и вся теория.

Мы говорим: «путать следы», а имеем в виду: скрывать,

куда направлялись. Задача – разминуться, повернуть в тот момент, когда нас не видит тот, кто идет следом. Пока и мы, и они в обычном пространстве, преследователи могут видеть, в какую сторону мы разогнались, могут «сесть на хвост». Мы притормозим, вернемся в обычное пространство, развернемся, пока они не вернулись в наше измерение и не видят нас, опять разгонимся – они не будут знать, какое направление выбрано нами на этот раз. В общих чертах так. А если говорить про меня и вас, теперь главное, чтобы Хамовники не настигли корабль внутри системы.

Жрец покачал головой, вспоминая, какими доводами оперировали во времена его молодости.

– А если корабль сбросит скорость внутри метеорита или планеты?

– Опасность, конечно, есть... – Юноша улыбнулся. – Но жить-то вообще рискованно! Да и мы ведь не тормозим вслепую: компьютер изучает тени, которые в нашем измерении могут оказаться массивными объектами, определяет «чистую» зону для торможения. Ошибется – что ж, у кого что на роду написано...

– И куда мы сейчас направляемся?

Глаза юноши гордо сверкнули:

– Королевство Веридор!

Жрец все еще смотрел вопросительно, он никогда не слышал такого названия.

– Планета Фанкор, – уже с меньшим апломбом добавил

молодой человек.

Пол в зале чуть дрогнул. Гость прислушался к своим ощущениям.

– Лайнер разгоняется?

– Отрываемся от притяжения Атонга, – также прислушавшись, подтвердил юноша.

– Никаких неприятных ощущений... – похвалил корабль жрец.

– «Наследник» – галеон королевского флота! – высокомерно, но с какой-то грустью в глазах объявил парень.

Жрец внимательно посмотрел на своего спасителя. Длинные темные волосы, худощавое телосложение, мускулистые, натренированные руки. Острые скулы – еще более острые от привычки сжимать зубы – говорили о постоянно тренируемой силе воли, о способности бороться и переносить трудности; серые быстрые глаза – о живости ума, о присущей молодому человеку нервозности и даже нетерпеливости; самоуверенно задранный подбородок – о юношеском максимализме, избалованности, привычке требовать и получать желаемое.

В ответ и юноша осмелился заглянуть в лицо гостю. Жрец Времени был немолод: морщины на лбу, медлительный взгляд. Черные, как смоль, волосы, черные брови и темные горящие глаза на бледном, с землистым оттенком лице производили демоническое впечатление. Он был высокого роста, жилистым и буквально излучал спокойствие, силу,

уверенность. Простая, грубая, серого цвета одежда ничуть не принижала достоинства этого человека – едва ли шелк или парча добавили бы образу отшельника больше благородства или степенности. Юноша остался доволен осмотром: выкраденный из лап Хамовников Провидения Проклятый пугал его, зато и в самом деле внушал веру в могущество, приписываемое слухами членам гонимого властями Ордена.

– Не пришло ли время нам познакомиться? – обратив внимание на то, как побелел после обмена взглядами его собеседник, предложил жрец.

– Хорошо... Вы правы... – Юноша собрался с духом. Его глаза наконец сверкнули решимостью. – Меня зовут Горн. Я младший сын короля Веридора – Тонрона Первого.

– Наследник одного из правящих домов космоса? – понял жрец.

Юноша немного смутился:

– Не совсем наследник...

– Моя очередь: Хонтеан – монах разоренного монастыря, которого вы, ваше высочество, спасли от тюрьмы.

Юноша поморщился:

– Не называйте меня: «высочество». Только не здесь, и не вы. Для вас я Горн.

– Вам ведь тоже непривычно говорить «вы» безродному? Говорите «ты – Хонтеан», я тоже не обижусь... Но что может быть за нужда принцу в философе, учение которого запретил закон, как раз и призванный защищать королей от ре-

форматоров?

– Мне нужно везение, – повторил в очередной раз принц.

В дополнение к словам Горн извлек из потайного кармана штанов короткий меч и положил его на стол перед гостем.

Хонтеан посмотрел на замершего в напряжении юношу, затем взял в руки ножны и потянул за рукоять, обнажая лезвие.

Горн видел, что острая полоска металла заставила глаза гостя затуманиться от воспоминаний, но не смог угадать, уловил ли жрец смысл деталей.

– На чехле герб Избранного, и лезвие зеленого цвета! – подсказал парень.

Благородная сталь клинка и в самом деле немного отличалась зеленым. Жрец медленно вздохнул, а затем посмотрел в глаза юноши, словно говоря: «Я все понимаю, но продолжи сам».

– Этот меч – моя дорога к престолу! – с непонятной горечью повышая голос, воскликнул Горн.

– К трону не Веридора? – догадался Хонтеан.

– Конечно же нет! Я младший сын. Претендент. Один из Претендентов. У меня есть этот корабль и сотня верных людей. В старину таких называли «рыцарь, лишенный наследства». Как и тогда, у меня только один путь: поставить на карту жизнь или превратиться в ничтожество!

– Зеленый цвет...

Юноша сглотнул:

– Мой уровень.

– Уровень мастерства? Насколько понимаю, высокий?

– Ты не знаком с Положением Школы Избранных?

– Нет... Не думаю.

– Я – Мастер Клинка, но... – Принц скромно улыбнулся. –

В альтернативном курсе...

– Это значит? – спросил жрец.

– Я могу победить опытного мечника, чего еще не смог бы сделать, если бы учился по полной, тридцатилетней программе, но я не равен Мастеру. Мастер не допускает ошибок, Мастер берет выносливостью и опытом. Желтый меч, фиолетовый меч – Мастера стилей, которые проповедуют стабильность и безукоризненность. Зеленый, красный – быстрый, но не верный успех, основанный не на отполированном до блеска опыте, а на случайных факторах, на слабостях противника, на умении использовать чужие промахи, на способности замечать каждую мелочь и превращать ее в оружие, решающее исход поединка.

– Ты задумал сразиться с настоящим Мастером, но сомневаешься, что «альтернативные» знания позволят надеяться на победу? Почему же тогда избрал этот путь?

Лежащие на столе руки парня задрожали, ладони сжались в кулаки.

– Потому что был маленьким! Потому что не знал, что мое время придет так скоро! Потому что думал: впереди десятилетия! Я хотел подняться на небольшой холм, чтобы с самого

начала смотреть на врагов сверху, а только потом уже начать взбираться на истинную вершину...

– Не спеша и радуя себя сознанием, что ты и без того лучше других? Что ж, возможно, ты рассуждал здраво.

– Но зеленый меч – знак не мастерства, а умения ловить удачу!

– Ты умеешь «ловить удачу» – другие не умеют.

– Удача – это абстракция, фантом, случай, которого может не быть! Профессионалы не допускают ошибок!

Хонтеан укоризненно покачал головой.

– Ты не веришь в победу, но все равно собираешься драться? – понял он. – Можно я угадаю: надеешься, что моя помощь...

– Вот именно!

Жрец усмехнулся:

– Насколько мне известно, «трон в поединке» – поиск того, кому «предначертано». Принц крови намерен сыграть не по правилам?

Юноша вздрогнул и с затравленным видом отвел взгляд.

– Кто-то же придумал быстрый курс Школы! – пробормотал Горн. – Считаешь, это по правилам?

– Думаю, да. По теории Хамовников, чем «случайней» успех, тем очевиднее, что он ниспослан Судьбой. Разве вас учили не так?

– Да, наверное... Но я ведь и хочу, чтобы мне помогла случайность!

– Поправлю: закономерность! Ты хочешь получить от меня «закономерную случайность»!

Юноша нервно передернул плечами:

– Не «закономерную» – более вероятную!

– Ладно, – Жрец примирительно махнул рукой. – Пусть остается такая формулировка, как тебе нравится. Я не был бы Жрецом Времени, как ты меня называл, если бы верил в Предназначение и одобрял средневековые ритуалы, возрожденные последователями правящей религии. Чего только ты хочешь: познать истину и самостоятельно изменить ситуацию на ристалище в свою пользу или воспользоваться мною как орудием Провидения?

Глаза юноши загорелись надеждой:

– Я не знаю... Но клянусь: если завоюю корону, вознагражу тебя по-королевски! Я построю новый монастырь для твоих последователей! Я сниму запрет на ваше учение! У Жрецов Времени будет первый коронованный покровитель! Королевство, в котором они смогут жить в спокойствии и достатке!

– Не горячись так! – Хонтеан мягко улыбнулся возбудимости молодого человека. – Предположим, я тебе помогу. Не боишься, что судьи почувствуют вмешательство Изгнанного, разгадают обман и лишат тебя положенного приза?

Горн тяжело вздохнул и помрачнел:

– Все возможно... Но, боюсь, у меня нет другого выхода!

– Тогда первый урок, юноша: выход всегда есть! Ты мо-

лод – зачем спешишь? Подожди десять лет. Наберись опыта. Возьми корону законно, без посторонней помощи.

Горн быстро замотал головой, вновь загораясь в одно мгновение:

– Король Веридора умер! На престол взойдет мой старший брат! Это случится всего через две декады!

– Сочувствую твоему горю... И все же не думаю, что есть причины для паники. В твоём возрасте любое колебание почвы под ногами кажется признаком конца света. Что-то меняется, а ты думаешь: как можно спокойно ждать, если через год или два не будет ни меня, ни этого мира? Поверь опыту старика: мир стоял, стоит и будет стоять на том самом месте, а горячие и нетерпеливые покидают его раньше отпущенного им срока.

Горн кивнул, давая понять, что готов совладать с собой и обдумать любые доводы. Он бросил на монаха взгляд, полный уважения и надежды:

– Я не могу спорить: ты мудрец. Ты можешь видеть то, чего я не вижу. Поэтому ты здесь, поэтому я искал тебя. Сейчас мы летим на Фанкор. Там мой дом, моя прежняя жизнь... Точнее, там они были. Посмотришь сам, Хонтеан, нужно ли мне спешить!

Глава 2

– Через сорок минут возвращаемся в наше пространство. Через двенадцать часов полета будем дома, – сообщил Латорон.

Горн «смахнул» со стола голограмму доски и голографические фигуры и прервал шахматную партию с Мозгом каюты.

– Нас и в самом деле никто не преследовал? – настороженно спросил он.

– Нет, ваше высочество! Как это ни странно, нам повезло!

Юноша слегка улыбнулся. Глаза его одновременно сверкнули и радостью, и опасением радоваться преждевременно.

– «Везение» заключено в одной из кают этого корабля, Латорон, – многозначительно произнес принц.

– Вы про монаха? – Богатырь шумно вздохнул и отыскал взглядом глаза юноши, чтобы показать, насколько серьезно сейчас настроен: – Мне все же кажется, ваше высочество, что вы сильно преувеличиваете возможности этого отшельника!

– Нет, Латорон! – Принц импульсивно вскочил на ноги и заметался по каюте из угла в угол, размышляя вслух: – Ты не можешь знать... Ты не допущен к архивам... Я читал про них! Настоящий Жрец Времени способен направить удачу туда, куда ему вздумается! Если он пожелает, все события начнут развиваться должным образом! Все окружаю-

щее – живое и неживое – придет на помощь! Напомнят о себе самые редкие явления природы, совпадут тысячи незначущих и важных моментов, проснутся интересы людей, от которых что-то зависит. . . Ты даже не представляешь, Латорон, насколько велика сила Изгнанных!

– Возможно, но мне не нравится ваш восторг, ваше высокочество! Если принятый на борт вашего корабля монах на самом деле всесилен, то кто вам сказал, что он – оружие в нашем арсенале, а не бомба с часовым механизмом? Где гарантии, что этот отшельник, не признающий над собой высшей власти, оплатит вам верностью? Задумайтесь: разве так должен вести себя человек, который только что лишился сообщества, долгие годы служившего ему семьей, который в один момент потерял и дом и имущество? Чем можно объяснить проявленное этим типом хладнокровие, более того – равнодушие? Я думаю: отсутствием души, вот чем! И, если этот монах ни во что не ставил тех, с кем десятилетиями делил кусок хлеба, с кем сообща боролся за жизнь и беседовал о смысле бытия, кого понимал сам и кто понимал его, – но почему вы думаете, что одним лишь красивым жестом сумеете заработать его искреннюю признательность? Какие у вас причины рассчитывать на его ответное благородство?

Богатырь ораторствовал напрасно – юноша даже не прислушивался к его словам. Теперь, когда принц наконец приблизился вплотную к еще совсем недавно призрачной для него цели, сомнения телохранителя смягчились в его со-

знании, блекли и сглаживались, после чего уверенно отправлялись в отсек памяти «очередные проявления излишней заботы».

– Но мне-то ты все-таки веришь? – отменяя из монолога Латорона все, кроме положительных для себя моментов, спросил Горн.

– Если честно, – пробурчал телохранитель, – не верю! Верить не мое дело. Моя работа – оберегать вас от опасности. Я обязан думать и действовать, а не надеяться на чудо, которое само сделает мою работу. Я знаю, что вы поступили необдуманно, пойдя против закона и очернив себя в глазах Хамовников Провидения. Но я не знаю, стоило ли так поступить. Думаю, что не стоило: вы еще так молоды, а заработали серьезных и очень могущественных врагов!

Принц опять усмехнулся, на этот раз в связи с напоминанием о его храбрости. Восприняв последние слова как комплимент, он подошел к офицеру и дружески сжал его за плечи, показывая, что на самом деле забота богатыря никогда не оставалась им незамеченной.

– Где он сейчас? – словно только теперь вспомнив о госте, спросил юноша.

Латорон тяжело выдохнул, понимая, что никакие доводы не помогут образумить горячего повелителя. Он пожал широкими плечами:

– Где же ему быть? У себя в каюте. Под охраной.

– Что делает?

– Я бы сказал, думает, если, конечно, можно думать, сидя сорок часов в одной позе...

– Медитирует, – сообразил принц.

– Мозг каюты утверждает, что зрительные нервы монаха все время активны. В медитации, которую знаем мы с вами, зрение отключается. Склонен доверять Мозгу – раз компьютер так говорит, значит, монах думает.

– О чем же он может столько думать?

Латорон едва не выдал в грубой форме, что он предполагает о мыслях этого исчадия ада, но вовремя остановился, повинувшись взмаху руки принца, – юноша спросил просто так, не интересуясь ни правдой, ни точкой зрения своего офицера.

– За нами нет погони, Латорон, – подытожил Горн. – Жрец Времени здесь, на моем корабле... Пока все идет хорошо. Скоро Фанкор. Там примем окончательное решение... Пусть монах явится на капитанский мостик за четыре часа до прибытия. Я хочу, чтобы он не пропустил ни одного взгляда или слова, обращенных в мою сторону фанкорскими службами, пограничниками, придворными, министрами или родней. Я хочу, чтобы он сказал мне, как поступить и не ошибиться в решении только потому, что чего-то не увидел и не услышал...

Достаточно скучный по своей сути дальний космический перелет при приближении корабля к населенным системам

привнес в жизнь экипажа и пассажиров струю свежего воздуха. Казалось, остановившееся на время полета время вновь ускорилося, возвращаясь к своему прежнему неудержимому ритму.

Приблизительно за четыре часа до посадки на планете-столице Королевства Веридор на капитанском мостике собрались три главных действующих лица: юный принц, отшельник-философ и офицер королевской гвардии.

Мостик представлял собой полукруглый балкон из прозрачного пластика, зависший в центре обзорной комнаты-шара, на стены которой проецировалась панорама космического пространства с разных сторон галеона. Понять, что здесь было реальным, а что внушаемым, не представлялось возможным: балкон вполне мог оказаться частью огороженного перилами пола, а шар – качественной голографической проекцией. Однако иллюзия заброшенной в космос одинокой стеклянной площадки, как и планировали конструкторы, казалась безукоризненной.

На некотором расстоянии от перил располагался длинный полукруглый прозрачный экран, перед которым в подвижных креслах-роботах восседали капитан галеона и два его помощника-штурмана. Вокруг каждого из них в воздухе возникали голографические таблицы, графики, карты, наборы кнопок. Пилоты внимательно следили за изменениями данных или делали вид, что следят (основную работу, как обычно, выполнял Мозг лайнера).

Принц, монах и офицер подошли к самому краю площадки, к самой границе между твердью под ногами и зияющей воображаемой бездной, чтобы пощекотать нервы и как можно глубже погрузиться в иллюзию выхода в открытый космос. Открывающаяся их глазам панорама к этому времени изобиловала объектами: ослепительный шар звезды был уже размером с большой арбуз, семь видимых планет варьировались по величине – от вишневой косточки до грецкого ореха.

По мере того, как планеты становились больше, а звезда перемещалась с переднего на задний план, галеон окунулся в поток радионовостей, наполняющих все еще с виду безжизненное пространство. Музыка, видеоролики художественного и научного содержания, информационные базы данных, сообщения и трансляции реально происходящих где-то на поверхности планет действий образовывали вокруг населенных систем своеобразный культурный слой, свидетельствовавший приближающимся кораблям о наличии разума задолго до того, как становились видны сами планеты и определялся качественный состав их биологической оболочки, указывающий на возможность существования белковых форм.

Капитан вызвал на один из своих виртуальных экранов информационную ленту о наиболее важных событиях в государстве, чтобы отобрать для принца список тех происшествий, о которых безопаснее было узнать до приземления на Фанкоре. Пользуясь полученным в свое время разреше-

нием, он открыл и личные почтовые ящики Горна, чтобы убедиться, что в архиве правителя нет писем, помеченных, как «срочные» или «особо важные».

Принц заметил, как подался вперед капитан, и насторожился, покосившись на мелькающие перед последним картинки. Тревога оказалась напрасной – капитан не нашел ничего такого, ради чего стоило бы побеспокоить высокородного пассажира...

Вслед за информационными волнами показались и другие свидетельства пребывания в системе людей: сперва редко, затем все чаще и чаще радар обнаруживал космические корабли разных размеров и форм,двигающиеся каждый в своем направлении; несколько раз на глаза зрителям попались массивные в сравнении с кораблями станции-терминалы – космические города, позволяющие путешественникам, не пересекая для этого охраняемой пограничной зоны и не рискуя войти в конфликт с господствующим на планетах законом, пополнять запасы, производить ремонт и отдыхать в полном соответствии с традициями и обычаями обитающего в системе народа... Бытовали разные мнения: одни говорили, что станции засоряют собой космическое пространство, создают очаги напряженности, привлекают всякий сброд и служат рассадниками преступности; другие – что «космические гостиницы» приносят очевидную пользу: принимают на себя основной поток иноземного транспорта, значительно уменьшая количество кораблей, стремящихся

совершить посадку непосредственно на населенном людьми шаре, чем избавляют от лишней работы и пограничников, и таможенников, и экологов, и полицию...

– Как появимся, ваше высочество? – спросил Латорон. – По-королевски или неофициально?

Принц посмотрел на монаха. Отшельник обзирал космическое пространство с видом взирающего из темноты бога – равнодушно и вместе с тем с гордостью.

– Как ты считаешь? – спросил Горн.

Хонтеан оторвался от глубокомысленного созерцания:

– О чем ты спрашиваешь?

– Мы можем приземлиться с шумом, а можем без, – объяснил Горн.

– Что значит «с шумом»?

– Капитан включит маяк, который предупредит пограничников и проходящие мимо суда о приближении королевской особы; на бортах засветятся гербы размером с дом; нас встретят и будут сопровождать с почетным эскортом.

– «Без шума» – тихо и незаметно? – понял монах. – А тебе как бы хотелось?

Горн пожал плечами:

– Для меня достойнее первый вариант, но как скажешь ты?

– Какая мне разница?

– Ну... – Юноша наморщил лоб, не зная, как сформулировать. – Я хотел бы, чтобы было легче определить, как ло-

жатыся течения... здесь... вокруг меня.

Монах улыбнолся:

– Я пойму это в любом случае, молодой человек. Поступай, как считаешь нужным! – Заметив смущение на лице принца, он все же решил поощрить парня: – Не стану оспаривать разумности твоих мыслей. Согласен: чем больше людей узнает о возвращении наследного принца, тем большее число их вспомнит о тебе и проявит к тебе свое отношение. Но, поверь, чтобы посмотреть, куда дует ветер, не обязательно раздувать бурю!

Так и не получив однозначного ответа, юноша кивнул Латорону:

– По-королевски...

Капитан отдал честь, дал команду Мозгу. Хонтеан не имел возможности видеть, что изменилось снаружи и без того достаточно ярко освещенного галеона, но он не мог не отметить, что гербы засверкали и там, где в них явно не было необходимости: под ногами изнутри прозрачного пола и «в космосе», то есть со всех сторон.

Реакция на земле не заставила себя ждать – буквально через десять минут галеон двигался уже не один, а в сопровождении четырех небольших военных крейсеров, возникших как будто из ниоткуда – вероятно, прятались в тени маскировочных полей где-то поблизости от маршрута корабля принца.

Выбранная капитаном, а затем стремительно увеличива-

ющаяся в размерах голубая планета типа «З» «выплюнула» из густого покрова похожих на горы облаков навстречу гостям еще шесть военных кораблей – на этот раз более ярких, но менее мощных – уже явно планетарного, а не космического флота. Четверка космических «волков», наоборот, стала отставать, пока вовсе не пропала позади. В атмосферу входили всемером – галеон и шесть сопровождающих, расположившихся вокруг корабля сверху, снизу, справа и слева, впереди и сзади.

– Нас не только охраняют, но и направляют, – с хмурым видом сообщил Горн монаху, который мог не заметить очевидного для хозяев галеона факта: их ненавязчиво, но верно вели в сторону от запланированного курса.

– Но ты ведь этого ожидал? – скорее заключил, чем спросил Хонтеан.

Юноша с интересом посмотрел на гостя: расположенный внизу, на планете, материк разрастался сейчас с такой скоростью, что у любого неопытного пассажира должна была бы мелькнуть тень тревоги, если не сказать неконтролируемый ужас. Хонтеан же казался таким же невозмутимым, как тогда, когда взирает со скалы своей планеты на штурм монастыря. Горна передернуло: он невольно подумал, что прошлое этого человека хранит в себе множество тайн, о которых лучше даже не спрашивать...

– Земная твердь остается западнее, а до поверхности океана всего-то пару километров, – заметил монах. – Посадка

на воду?

Принц понял, о чем говорит отшельник, и с мрачным видом посмотрел на капитана.

– Нас действительно уводят в сторону от населенных пунктов, ваше высочество! – отрапортовал офицер.

– Мы опускаемся в океан? – удивился принц.

– Не совсем так. Нас должны встретить.

Корабли продолжали стремительно падать. Неожиданно путешественникам показалось, что океан расступается. Навстречу движению галеона и его эскорта из океанских глубин всплывала некая стальная громадина.

– Что происходит? – потребовал объяснить Горн.

– Дрейфующая военная база, ваше высочество, – узнал Латорон.

– Меня берут в плен?!

Латорон побледнел – у офицера не нашлось однозначного ответа. Сообразив через мгновение, что вопрос требовал вовсе не ответа, а действия, офицер повернулся к экрану, за которым сидели капитан и штурманы, намереваясь отдать им приказ готовить галеон к сопротивлению. Но его взгляд встретился с глазами монаха, спокойными и остужающими, как ледяная вода. Слова команды так и застряли у богатыря в горле, а времени на вторую попытку не оставалось – поднявшаяся на поверхность подводная база распахивала зев гигантского шлюза, принимая гостей силовым полем посадочного луча. Этот луч не только обеспечивал быстро пада-

ющим кораблям безопасное приземление, но и лишал их последней надежды отказаться от гостеприимства и изменить курс.

Хонтеан положил руку на плечо принцу.

«Нет причины для беспокойства!» – прошелестела в голове Горна мысль, которая никак не могла принадлежать ему самому.

Удивившись необычно переданному посланию, юноша поднял глаза на монаха. В этот момент галеон вздрогнул от интенсивного торможения, а затем резко замер, «окунувшись» в бассейн посадочной зоны, «наполненный» стабилизирующим силовым полем.

– Нам предписывают покинуть корабль! – отрапортовал штурман, следивший за сообщениями, поступающими снаружи.

– Я обязан подчиниться приказу? – усомнился принц.

– Конечно же нет, ваше высочество! – поспешил заявить Латорон. Однако он тут же выдал свои сомнения: – Но, может быть, пойдя им навстречу, мы заставим проявить к себе большее уважение?

– Ты не обязан, но так будет лучше, – подтвердил Хонтеан.

Принц вопросительно взглянул на монаха.

– Ситуация накалена, но нам ничто не угрожает, – объяснил Хонтеан. – Мы вызвали переполох, но мы им не враги. Если хочешь, чтобы все шло своим ходом, не предпринимай решительных действий – твоей свободе или жизни пока

не угрожают.

– Просят поторопиться! – сообщил штурман. – Они говорят о проявлении «доброй воли», о «сложной политической обстановке», о «благоразумии», просят прощения за «вынужденную предосторожность».

– Бред какой-то! – пробормотал Горн – Пойдем?

Вместо катера прямо к галеону подогнули внушительных размеров открытый трап. Ступив следом за солдатами охраны на бегущие вниз ступеньки, принц и его сопровождающие оказались высоко над едва охватываемым взглядом пространством космодрома, под ослепительным потоком света, падающим сверху и мешающим поднять глаза. Внизу же, вокруг бассейна с застывшим в нем галеоном, завершалось торжественное построение настоящей армии: более тысячи единиц на- или надземного военного транспорта и около сотни тысяч солдат и офицеров в парадной ослепительно белой форме, при регалиях и оружии. Над ровными прямоугольниками белых с золотыми погонами плеч и круглых фуражек, стальных башен и полимерных зеркальных «спин» мерцали яркими красками голографические гербы подразделений и вымпелы родов войск, а выше, над всем парадом, вознесся огромный, красивый и величественный герб Королевства Веридор.

У юношихватило дух и парализовало ноги.

– К такой встрече ты готов не был, – шепнул Хонтеан, стоявший слева за спиной наследника.

– Меня так еще ни разу не встречали, – признался Горн. – Это королевский прием! Так приветствуют своего короля!

– Не думаю, чтобы тебе оказали много чести, – покачал головой монах. – Они тебе не очень рады, по крайней мере сейчас; они были грубы, когда требовали проследовать к месту встречи... Эти люди всего лишь уступают требованиям, которых сами не разделяют или не одобряют.

– Не одобряют? Что это значит?

– Тебя ждут как принца, а не как короля. Очевидно, трон твоей родины все еще никем не занят. Ты и твой брат – оба претендуете на корону Веридора. До коронации одного из вас вы оба в равной мере – самые важные персоны этого мира. Поэтому встречать вас повсюду должны одинаково. Вполне допускаю, что где-то за пределами этой военной базы существуют иные мнения, но на людей внизу не рассчитывай – они действительно полагают, что поклонение тебе – лишь временная формальность.

По мере того как ступеньки опускали пассажиров галеона все ближе к палубе космодрома, им навстречу двигалась группа старших офицеров во главе с особенно пышно выглядящим генералом. Эта группа мерно вышагивала вдоль рядов солдат, с таким расчетом, чтобы оказаться у трапа как раз в тот момент, когда оттуда сойдет именитая особа. Когда старшие офицеры равнялись со стоящими по стойке «смирно» командирами подразделений, те взмахивали жезлами, а четкие прямоугольники пехотинцев синхронно от-

давали честь и громогласно выкрикивали приветствие – настолько громко, что дрожали перила трапа.

Таким образом, весь путь принца сопровождался ревом тысяч и тысяч глоток. Когда же юный наследник ступил на горизонтальную поверхность палубы, все в один миг стихло. Генерал и старшие офицеры вытянулись в пяти шагах от гостей и резким движением отдали честь.

– Разрешите приветствовать...

Горн нервным жестом остановил оратора, давая понять, что сердит и не желает продолжать церемонию.

– Генерал, по какой причине меня вынудили приземлиться на вашей базе? – строго, но достаточно тихо, чтобы слова не достигли ушей солдат, спросил принц.

Генерал еще больше выпятил грудь в и без того излишне подобострастной стойке:

– Не могу знать, ваше высочество! Мне было приказано прибыть в заданную координату для встречи высочайшего гостя! Приказ исполнен в точности!

– Приказ моего брата?

– Никак нет! Вашей матушки!

Горн удивленно поднял брови:

– Мама? Где она?

– Ожидаем прибытия с минуты на минуту, ваше высочество! Не будет ли вам угодно проследовать в апартаменты для высочайших гостей и отдохнуть после дальнего путешествия?

– Будет. Подайте катер, я не намерен идти пешком! Парад был великолепен, но я и в самом деле устал. Пожалуйста, давайте прекратим это!

Катер появился мгновенно, очевидно его приготовили заранее и ждали только команды. Открытый, без верха, чрезвычайно комфортабельный, с золочеными бортами и сиденьями из натуральной кожи редкого животного. Вместе с Горном в него сели только Латорон и Хонтеан. Генерал суровым взглядом дал понять, что солдатам с галеона нечего делать на территории его базы. Горн ответил грубостью на грубость: он жестом остановил генерала, намеревавшегося подняться на борт, недвусмысленно намекая, что не нуждается в его опеке. Несмотря на отсутствие на борту сопровождающих, катер все равно поплыл перед строем нарочито медленно, позволяя солдатам лицезреть своего принца, а принцу – оглохнуть от приветственного рева солдат.

Апартаменты, куда путешественники наконец попали через полчаса очень неспешного полета, выглядели как шикарная квартира богатого планетарного жителя: много качественной функциональной мебели; много всевозможной аппаратуры бытового и развлекательного характера; со вкусом оформленный интерьер; большие псевдоокна, которые могли «смотреть» куда угодно, а сейчас «выходили в сад»; большая застекленная лоджия «с видом» на подводный мир океана, уставленная цветами и белоснежными креслами.

Принц направился именно в лоджию, потребовал прине-

сти туда напитки и разрешил своим спутникам первыми занять кресла.

– Ну, что скажешь? – Горн посмотрел на монаха.

Хонтеан развел руками:

– Придворная жизнь имеет и плюсы, и минусы.

Горн недовольно насупился – ему показалось, что монах мог бы сделать и более глубокие выводы.

– Ладно, – вздохнул принц. – Подождем маму.

Ее Величество вдовствующая королева Королевства Веридор не заставила себя ждать. Не прошло и десять минут, как двери в апартаменты Его Высочества распахнулись и гостиную стремительно пересекла высокая спортивного вида женщина в непритязательном дорожном комбинезоне. Безо всяких церемоний эта особа бросилась к ходившему из угла в угол Горну, обхватила его голову руками и заключила в объятия, из которых смутившийся перед посторонними юноша вяло пытался вырваться. Потребовалось какое-то время, чтобы женщина перестала всхлипывать, нашла в себе силы отстраниться от молодого человека и начать говорить внятно:

– Что ты наделал?.. Зачем ты вернулся?.. Горн... Мой мальчик...

Только теперь мужчины смогли рассмотреть лицо гостьи. Королева выглядела не на шутку взволнованной, даже напуганной. Глаза ее нервно бегали, лоб казался чрезмерно белым, а щеки – болезненно румяными. Но, невзирая на ду-

шевные переживания, красивое, натренированное тело придерживалось прежних правил – осанка оставалась гордой, жестикулирующие руки двигались с плавной грацией, а брови и губы пытались поддерживать прежнюю мимику спокойного, благородного превосходства. Было заметно, что явившаяся в апартаменты к принцу женщина привыкла быть сильной и гордой, отчего теперь, после неожиданных ударов судьбы, чувствовала себя особенно неуверенно.

Горн был обескуражен. После принудительной посадки на военную базу он ожидал от матери несколько другого приема. Он готовился обрушить на голову самого близкого для себя человека град обвинений, готовился к сопротивлению и упрекам с ее стороны. Готовился предстать обиженным и оскорбленным и полагал, что не вызовет сочувствия. Но вместо ожидаемого разъяренного узурпатора Горн увидел уставшую, испуганную и нуждающуюся в поддержке женщину, которая к тому же желала ему только добра.

– Мы ведь говорили с тобой... – прошептала королева. – Ты ведь обещал мне...

– Что обещал, мама?

– Не возвращаться!

Женщина только теперь заметила, что кроме нее и Горна в помещении находятся другие люди. Одного из них она видела впервые. Гневным повелительным жестом королева указала Латорону и Хонтеану на дверь, но Горн решительно покачал головой.

– Нам нужно поговорить! – теперь уже с повелительными нотками в голосе сообщила мать.

– У меня нет секретов от этих людей, – возразил принц.

– Им незачем слушать то, что я скажу!

– Ошибаешься, мама. Я хочу, чтобы они это слышали! –

Горн нахмурился, опуская глаза и понижая голос: – Мои опасения подтверждаются. Скоро от этих людей будет зависеть моя жизнь. Мне нужно доверять им уже сейчас или готовиться, что они меня предадут. Я не хочу остаться один, мама!

Королева нервно огляделась.

– Хорошо, Горн, – она кивнула с такой поспешностью, словно вспомнила, что теряет драгоценное время. – Я хотела сказать, что ты сделал большую глупость, вернувшись на Фанкор!

– Почему же! – Горн почувствовал себя больно задетым. – Почему я не могу вернуться к себе домой?!

– Ты знаешь почему, Горн! И не нужно повышать голос! Фанкор всегда был и будет для тебя домом... Но сейчас... До коронации... Сейчас ты очень рискуешь... – Королева сделала жест рукой, словно смахнула слезу, которой на самом деле не смогла выдавить, и заглянула сыну в глаза умоляющим, просящим взглядом. – Мы ведь все уже обсудили? Ты ведь пообещал? Горн, почему ты вернулся?

Горн замотал головой, пытаясь так избавиться от царапающей горло горечи. Его голос сорвался на крик:

– Что пообещал, мама?! Я пообещал получить корону

на поединке?! Пообещал убить в равном бою короля Фаора?! Да он же в пять раз сильнее меня! Ты хотела, чтобы твой сын умер?!

Королева побелела еще сильнее.

– Не говори так! – испуганно прошептала женщина. – Я никогда не желала тебе смерти! Я не просила тебя драться с Фаором, но я хотела, чтобы другие знали, что ты отправился искать удачи в сражении. Хотела защитить тебя... Скажи, зачем ты вернулся?

– Что ты имеешь в виду? – Горн нахмурился, только теперь начиная задумываться над смыслом многократно повторенного ему вопроса.

– Ты вернулся, чтобы бороться с братом за престол своего отца?

– Мама?! – глаза юноши стали огромными от изумления.

– Нет? – женщина выдохнула с облегчением.

– Я ведь говорил, что никогда не стану сражаться с братом!

– Ты говорил... – Тревога заметно таяла на лице королевы, ее сменила серьезная озабоченность. – Но другие думают...

– Кто другие?!

– Те, кто с Хроном, те, кто не с ним...

– Я не понимаю!

– Сынок... – Королева заглянула в глаза сыну. – Не все так просто. Власть – лакомый кусочек, который часто хотят

ухватить, не помыв руки. Грязные руки – грязные мысли. Все уважают Хрона: он ученый, политик, он мудр, осторожен, честен, опытен. Но у твоего брата есть друзья. Когда Хрон станет королем Веридора, те, кто его поддерживают, приобретут дополнительную силу, влияние, власть. А что хорошо одним, плохо другим. У друзей Хрона есть конкуренты, завистники, враги. Видные деятели, знатные вельможи, богатые промышленники, торговцы, офицеры... – все они пострадают, лишатся прежней стабильности, прежнего спокойствия, основанного на достигнутом когда-то равновесии... Да, Горн, ты любишь своего брата. Но, пока на трон Веридора претендуют двое, найдутся люди, которые захотят помочь одному из вас, чтобы помешать тем, кто помогает другому.

– Ты говоришь это не просто так? – предположил принц.

– Конечно же нет, сынок! Еще до того, как ты покинул планету, по Фанкору пошла молва, что трон твоего отца должен достаться сильнейшему. Сторонники веры в Предназначение шептались, что на планете нарушается святой закон и готовили петицию в Орден. В СМИ появлялись ролики, призывавшие тебя поднять меч и бросить вызов «нечестивому Хрону, никогда не бравшему в руки оружия благородных». И я просила тебя бежать из системы, чтобы притушить разгорающееся пламя, чтобы избежать гражданской войны и уберечь обоих своих детей. Ты хороший сын, ты послушался... Призывы утихли. Но теперь...

– Что?

– Теперь стало еще хуже...

– Мама, прошел всего час! Что значит «еще»?!

Глаза королевы сверкнули, как у тигрицы, а голос зазвенел громко и сильно:

– Иногда достаточно одной искры! Ты всегда был самоуверен, Горн! «Всего час»? Твое появление подняло настоящую бурю! Сторонники Хрона заявили, что возвращение второго принца – спланированная акция, за которой последует вооруженный переворот. Противники Хрона ухватились за эту идею, чтобы взбудоражить ею народные массы, чтобы поднять ропот и заручиться поддержкой толпы, а затем предложить тебе принять знамя, которое скоро будет поднято.

– Что сказал Хрон?

– Хрон? У него нет выбора. Король не может думать за одного себя – на нем ответственность за все королевство. Или Хрон примет меры, или начнется кровопролитие.

– Какие меры? Арестует меня?

– Да, Горн. Но его советники могут подумать, что этого недостаточно. Враги Хрона не успокоятся, пока ты здесь, и пока ты... жив.

– Мама, я уже арестован?

Королева заволновалась и быстро проговорила:

– Нет, нет, Горн! Я успела перехватить тебя до посадки. Генерал Дорингоф верен мне. Он был верен твоему отцу, а пока Хрон еще не король... В общем...

– Мама! – поторопил Горн.

Женщина набрала в грудь больше воздуха, чтобы сказать самое важное:

– Я сделала все, чтобы дать тебе еще один шанс, Горн! Шанс поступить благоразумно, поступить честно. Хрон и его советники еще не знают, куда пропал галеон младшего наследника трона. Во всяком случае, не знали. Я боялась, что ты вернешься, я хотела поговорить с тобой... Теперь, когда вижу, что сомневалась напрасно...

– Что ты хочешь сказать, мама?!

– Хочу, Горн, чтобы ты ушел! Чтобы отправился за своей судьбой, которую указал твой отец, когда вложил тебе в руки меч Избранного! Чтобы сохранил жизнь и свободу для подвигов, для славы, для любви, для счастливого будущего! Чтобы позволил мне гордиться тобой и уважать тебя!

Горн рассеянно оглянулся на своих свидетелей, словно ожидал от них помощи.

– Мы в океане... – пробормотал принц. – Нужно время, чтобы выйти за атмосферу...

– Не нужно! – поспешно возразила мать. – Мы уже в космосе! Генерал дождался меня и сразу же направил базу прочь от Фанкора, прочь из системы!.. Конечно же, эту громадину не могли не заметить. Конечно же Хрон догадался, что происходит. Но, если ты примешь правильное решение, тебя не посмеют преследовать. Я не допущу этого!.. Решайся, мой Горн!

Принц горько усмехнулся, скривив губы:

– Ты ведь не предлагаешь мне выбора, так, мама?

– Я верю в тебя! – Неожиданно притянув к себе голову юноши, королева поцеловала сына в лоб и бросилась вон, давась неожиданно хлынувшими слезами, не оборачиваясь и не прощаясь.

Простояв несколько мгновений с опущенной головой, Горн тряхнул головой, сбрасывая оцепенение.

– Возвращаемся на галеон! – прорычал он.

– Горн? – осторожно тронул пылающего от обиды юношу Хонтеан. – Ты ведь хотел узнать мое мнение?

– Говори!

Принц до боли сжимал кулаки, стараясь справиться с клокочущей в душе бурей.

– Если твоя цель – корона, нам не обязательно куда-то лететь, – твердо и холодно глядя на успокаивающегося под его могущественным взором принца, медленно и значимо произнес монах.

Горн на миг замер, потом задумчиво закивал, давая понять, что хорошо понимает смысл сказанного.

– Мы улетаем! – уже спокойнее и увереннее повторил он.

Глава 3

– У меня остались один корабль и сотня верных людей, – грустно подытожил Горн, прислушиваясь, как разгоняется галеон, отрывающийся от стального диска фанкорской военной базы.

– Ты уверен, что хочешь поговорить со мною сейчас? – сурово спросил Хонтеан.

Монах и принц остались наедине и сидели по разные стороны стола в «рабочем» кабинете Его Высочества.

Юноша передернул плечами:

– Почему нет?

– Этот разговор – ключевой момент в твоей жизни. Ты хочешь спросить, какой путь избрать.

– Ну и что же?

– Мне кажется, ты слишком взволнован.

Принц отмахнулся:

– Не важно! Я сейчас успокоюсь. Капитан спрашивает, куда нам лететь.

– Хорошо, – Хонтеан наклонился над столом, чтобы показать, что он весь во внимании. – Чего же ты хочешь?

– Ты слышал: мне нужно победить в поединке короля Инкрустара – Фаора Первого.

– Инкрустар – королевство?

– Да. Могущественная, развитая держава на севере галак-

тики. В двух месяцах полета от Фанкора.

– Почему именно Инкрустар?

– Фаор уже много лет держит турнир открытым.

– То есть сам разрешает любому желающему посягнуть на свой трон?

– Любому Избранному – да.

– Зачем?

– Он сильный воин. Мастер Фиолетового Меча. Он верит в Предназначение и постоянно хочет знать, что его время не истекло.

– Этого я не понимаю, – признался монах.

– Почему же? Фаор побеждает всех Претендентов. Это приносит ему славу, это делает его сильнее в глазах народа, это подкрепляет его Веру.

– Он религиозный фанатик?

– Не знаю... Так многие поступают. Трон выставляется на поединок в двух случаях: если по какой-то причине тот оказался пустым или если нынешний обладатель трона желает еще раз подтвердить свое Предназначение. – Юноша задумчиво посмотрел на монаха. – Возможно, Фаор и попросту любит драться...

– Это скорее, – согласился Хонтеан. – А раз любит, значит умеет. И ты хочешь поучаствовать в его шоу?

– Ты же слышал: я должен.

– Этого я не слышал. Я слышал, что тебе советовали притвориться, что ты летишь на ристалище.

Юноша фыркнул:

– Притворяться не собираюсь! Я не хочу тысячу лет ждать своего трона! Я не хочу, чтобы при виде меня презрительно кривили губы и прятали взгляды! Я – принц, а не безродный скиталец!

– В любом случае ты никому ничего не должен. Сделать так, чтобы кто-то что-то сказал о тебе или подумал – это не долг. Это самообман и глупость.

– Хорошо: я ХОЧУ победить короля Инкрустара! Хочу, чтобы ты помог мне это сделать!

– Горн, кажется, ты не понимаешь. Я не волшебник, я не могу создать что-то из ничего. Я способен направить и поддержать энергию твоей души, но не в силах материализовать мысли твоего мозга. Нужно, чтобы ты жил тем, чего добиваешься, чтобы твои чаяния имели энергетический стержень... Чего ты действительно хочешь?

– Какая разница? Если я думаю, что хочу стать королем, значит, хочу этого!

– Ничего подобного, юноша. Желания и сущность неразделимы. Слова и мысли – случайные числа. Я могу помочь тебе исполнить лишь то, чего ты хочешь на самом деле. Чего ты СЕЙЧАС хочешь? Какое ЖЕЛАНИЕ ты отбросишь, если направишь силы на то, чтобы сразиться с королем Инкрустара? О чем станешь жалеть? Что наполнит сердце тревогой или тоской? Думай!

– Не знаю.

– Любая мелочь? Тебя ведь не радует встреча с Фаором? Почему? Что мешает чувствовать радость?

– Я слабее.

– Этого ты не знаешь! Потом, с тобой я. У тебя есть козырь, который внушает надежду.

– Ты – неопробованный козырь...

– Уже ближе. Итак, чтобы порадовало тебя именно в эту секунду?

– Возможность доказать себе, что я сильнее Фаора.

– Отлично! Итак?

– Теперь выбрать путь?

– Твой капитан ждет.

Юноша поднял руку, привлекая таким образом внимание Мозга каюты.

– Латорон!

Через несколько мгновений в кабинете появился телохранитель.

– Помнишь, ты рассказывал о планете, на которой узаконены поединки крови? – спросил принц.

– Данагот. – Богатырь кивнул, настораживаясь. – В составе Эвтэрова Кольца.

– Турниры проходят там постоянно?

– Каждый день, ваше высочество. В любом большом городе, где есть Дворец Славы. Данаготцы возвели владение мечом в культ, популярность которого растет у них с каждым годом. Соревнования проводят по мере того, как по-

ступают заявки участников. Участники – местные или инопланетяне – слетаются на турниры в поисках спортивной славы. На Данаготе, ваше высочество, «поединок крови» – спорт, зрелище, развлечение, привлекающее зрителей, готовых платить деньги. Проигравший остается в живых, ему оказывают медицинскую помощь... Это никак не связано с путем Избранных.

– Ты был там?

– Однажды. – Латорон поднял брови. – К чему вы клоните?

– Хочу попробовать себя на одной из арен Данагота, – объяснил принц.

Богатырь изменился в лице.

– Ваше высочество!

– Я буду инкогнито. Никто не узнает.

– Но ваше высочество!

– Согласен, это не для людей с благородной кровью. Но это прекрасная возможность попробовать свои силы. Я хочу испытать себя в бою с живым человеком, а не с голографическим преподавателем. Я хочу пережить настоящий страх, почувствовать запах настоящей крови, побыть на краю поражения, вкусить настоящей победы. Фаор – опытный боец, а мне нужен опыт... Еще: я хочу знать, чего стою на самом деле.

– Если станет известно... – Офицер осуждающе покачал головой.

– Не станет! – отрезал Горн. – Итак, мой приказ: курс на Данагот! Я буду драться в обычной одежде, простым мечом новичка. Не будем скрывать, кто мы. Правда все равно выплывет – галеон королевский, на нем прибыл наследный принц Королевства Веридор. Скажем, что выставляемый нами боец – солдат из твоей сотни. Принц Горн пожелал похвастать одним из своих людей и наблюдать поединок на экране своей каюты, не унижаясь до появления в толпе простых смертных... Иди, Латорон!

Офицер бросил гневный взгляд на Хонтеана, словно хотел сказать, что знает, кто виноват в появлении у юноши подобных мыслей. Но спорить не осмелился, склонил голову и покинул каюту.

– Вот это другое дело, – похвалил монах. – Всегда пороййся в себе, прежде чем определить, куда направить силу своих желаний. Желания, в которых ты готов признаться мне или самому себе, не должны расходиться с желаниями, которые на самом деле наполняют твое сердце. Тогда у нас все получится.

Хонтеан стал подниматься, считая этот разговор и свою первую миссию завершенной, но юноша стремительным движением удержал его за руку. Монах посмотрел на принца. Губы молодого человека дрожали нервной дрожью, а глаза сверкали неожиданной одержимостью.

– Что случилось? – Хонтеан осторожно освободил руку.

Принц сглотнул, чтобы справиться с так внезапно нахлы-

нувшим на него возбуждением.

– Расскажи, что такое везение Изгнанных! – потребовал Горн.

Монах медленно, словно нехотя, опустился в кресло. Затем, погрузив руку в карман плаща, извлек пять полимерных игральных кубиков. На гранях кубиков точечками обозначались числа от одного до шести.

– Знаешь, что это? – спросил Хонтеан.

Горн покачал головой.

– На вид ничего интересного. – Монах несколько раз бросил на стол, а затем собрал кубики. – А по существу – древнейший прибор, используемый для определения благосклонности фортуны к тому, кто бросает. Это кости, важнейший элемент многих древнейших игр.

– В чем его смысл?

Горн невольно засмотрелся, с какой ловкостью длинные тонкие пальцы отшельника ловят и перебирают сразу пять шестигранных игрушек.

– В том, что выпадающая комбинация цифр случайна. Не зависит ни от чего, только от везения человека, желающего получить ту или иную цифру. По крайней мере, так всегда думали...

Монах замолчал, отрешенно уставившись на свои кубики. Юноша, которого снедало любопытство, поторопил:

– Думали, но были не правы?

Хонтеан перевел взгляд с кубиков на собеседника, а за-

тем быстро собрал и бросил кости на стол. На верхней грани всех пяти кубиков застыли шестерки. Продолжая смотреть на принца, монах дважды собрал и бросил кости. Результат повторился.

– Они какие-то особенные? – предположил принц.

– Попробуй!

Хонтеан высыпал кубики в ладонь Горна. У юноши выпали две двойки, пятерка, шестерка и единица.

– Вместо костей может быть что угодно, например металлические монеты... – сообщил монах. – Дело не в кубиках. Кубики называют тебе число, а число описывает тебя. Магия чисел – основа этого мира.

– Вы – пять шестерок?

– Нет. Я то число, которое я задумал. Я хочу, чтобы выпали лишь шестерки, поэтому на брошенных мною кубиках по шесть точек.

– Почему я не могу хотеть этого?

– Можешь. Каждый может. Если ты **ХОЧЕШЬ**, чтобы твой следующий миг характеризовало именно это число, если ты **ВЕРИШЬ**, что будет именно так, как ты хочешь, если ты **ЗНАЕШЬ**, что твое желание сбудется, – случайностям в твоей жизни придет конец. Я хочу, чтобы выпали пять шестерок, я направляю силу мысли на исполнение своего желания, я ни на миг не сомневаюсь, что будет по-моему – кубики ложатся так, как мне это нужно. Я не ворочаю кубики, я не думаю, куда повернуть каждый из них, я загадываю ре-

зультат. Это не противоречит законам природы, в этом нет чуда, на это способен каждый... Пробуй!

Хонтеан оставил кубики на столе и вновь поднялся. Горн переваривал услышанное, затем дерзко заявил:

– Вы мне не ответили!

– Я был недостаточно красноречив?

Монах явно не желал говорить на предлагаемую тему.

– Я не хочу кидать кубики, – жестко произнес принц. – Я хочу знать, в чем ваша вера!

По губам монаха едва заметно скользнула ледяная усмешка.

– Считаешь, для этого пришло время?

– Я достаточно взрослый, чтобы узнать правду!

Хонтеан замер и посмотрел в глаза принцу взглядом, от которого тому захотелось позвать на помощь.

– Хорошо, юноша, кое-что я скажу.

Подержав Горна в тисках своей воли, монах все же отвел взгляд, а принц, ошеломленный, подавленный силой гостя, осел в кресле, всерьез начиная думать, что с любопытством нужно быть осторожней.

– Правда в том, что Правду никто не знает! – Глаза монаха остекленели – Хонтеан никуда не смотрел, углубляясь в лабиринты своего сознания, а его слова будто проходили далекий путь, прежде чем достигали ушей юноши. – Мы тысячи лет ищем ответ на одни и те же вопросы. В чем смысл нашего существования? Для чего этот мир, для чего мы рожаем-

ся, почему так быстро уходим? Мы вышли в космос, мы расползлись по галактике, наши глаза научились смотреть через всю Вселенную, а вопросы остались вопросами. Мы по сей день ничего не знаем. Вот она – твоя Правда!

Монах вновь опустил в кресло – на этот раз создалось впечатление, что некий груз заставил его согнуть ноги в коленях.

– Когда-то давно люди бегали босиком по траве бесконечно огромного, плоского, зеленого мира одной планеты, с восторгом провожали глазами путь теплого желтого бога, названного ими же Солнцем, ежились под ледяным светом бледной с едва различимыми пятнами тарелки-Луны и думали, взирая на таинственную белую реку Млечного Пути, что сущность мира раскрыта, но не им и не здесь, а кому-то там, за горами, через которые нельзя перелезть, за морями, которые нельзя переплыть, в небе, где обитают лишь птицы и боги... Люди покорили все горы, пересекли все моря, научились летать, как птицы... А правда, словно горизонт, осталась такой же недостижимой, такой же бесконечно далекой. Теперь она насмехалась над ними со звезд. Люди вышли в космос, люди смогли странствовать между звездами, смогли пересекать расстояния, которые даже не укладывались у них в голове... И что правда? Теперь ее дом – другие галактики. Дальше будут другие Вселенные, параллельные миры и так далее и тому подобное... На самом же деле, Правда там, где была всегда. Она либо у нас под носом, либо

ее вовсе не существует! Потому что чем больше мы познаем этот мир, тем больше открывается в нем непознанного, путь этот **БЕСКОНЕЧЕН!**

Те из нас, кто поумнее или постарше, задумываются, те, кто помоложе и беззаботнее, откладывают мысли до лучших времен. Но ответа нет ни у тех, ни у других. Напрашивается лишь один вывод: этот мир не то, чем нам кажется! Слишком уж он нелогичен, слишком уж бессмыслен, слишком уж беспорядочен! Мы рождаемся для того, чтобы провести жизнь в погоне друг за другом, чтобы, убивая, отнять тот малюсенький кусочек солнечного света, который необходим нам самим, чтобы продолжать жить. Несмотря на то что солнечного света с избытком хватает и нам, и тем, кто слабее или сильнее нас. Растения душат друг друга, травоядные едят растения, мы едим травоядных... А наше существование – короткий отрезок времени, на котором мы десятки тысяч лет делаем лишь одно: едим и порождаем себе подобных, чтобы продолжали наш «святой путь», то есть ели и размножались! Под солнцем, которое так же, как и миллиарды других точно таких же звезд, с немыслимой скоростью несется в черную дыру в центре галактики. И вся наша история, вся наша цивилизация – остановившийся миг, выхваченный из последнего вздоха обреченного звездного образования! Наше «долгое» прошлое и «далекое» будущее – доли секунд в этом предсмертном мгновении звезд галактики, после которого не останется ничего, что имело бы смысл

или умело бы думать. Где в этом логика?! Где в этом Правда?! Где ответ на вопрос: ради чего?!

Хонтеан сделал паузу, словно сознанию требовалось время на обработку уже переданной информации и подготовку окончательного заключения, на самом деле сделанного много и много лет назад, и продолжил:

– Вывод? Устройство Вселенной, которую мы познали, настолько бессмысленно, что оно просто не должно и не может быть таким, каким мы его познаем! Мы видим, мы изучаем, мы знаем лишь то, что нам позволено знать, позволено видеть и чувствовать! Глаза монаха осмысленно блеснули и устремились на Горна.

– Стало быть, живем мы не для того, чтобы продержаться отпущенный каждому из нас срок? Превосходно! Но какие тому доказательства? Их не было сто тысяч лет назад, их нет сейчас, возможно, их никогда не будет. У нас есть только чувства. Мы ЧУВСТВУЕМ, что мир устроен иначе. Мы ЧУВСТВУЕМ, что в мире должен быть смысл. Мы ЧУВСТВУЕМ, что сущность этого смысла сокрыта внутри нас самих. Осознанно или нет, но мы СЛЫШИМ мысли людей, которые бесконечно далеко или ушли навсегда. Мы УГАДЫВАЕМ, что может случиться завтра – с нами или с другими. Мы способны собраться с духом и получить от своих тел больше, чем они в принципе способны нам дать, если рассуждать о них с точки зрения физики или химии. И это не вписывается в логику мира вещей, это – и только это! дает

нам надежду, чтобы жить дальше!

Хонтеан вновь прервался, чтобы дать Горну подготовиться к смене темы.

– Теперь, молодой человек, по сути вашего необдуманного вопроса. Кто такие Жрецы Времени и Хамовники Провидения? Люди, которые знают о существовании нематериальной сущности мира, которые пытаются изучать законы того, что не видят. Люди, которые отличаются от вас, простых, только тем, что не признают слова «случайность». Не признают Времени с большой буквы. Их бог – Провидение.

Провидение – это сила, которая определяет, что случится после того, что уже случается. Сила, у которой есть свой закон. Не абстракция. Люди науки предпочитают называть эту сущность временем, но Провидение не вписывается в рамки одного из основных свойств времени: быть пассивным. Провидение активно. Его действия предсказуемы. Следы того, что еще не случилось, но уже происходит под действием создающего потока, мы видим и называем приметами. Провидение – это и время, но не только время. Оно как река, которая бежит по сложному, изгибающемуся руслу, образуя заводи и водовороты. Мы не видим воды в реке, но чувствуем, как нас сносит ею, чувствуем, когда попадаем в стоячую воду, а когда – на бурлящие перекаты. И Провидение, как и реку, можно перекрыть плотиной, и в нем, как и в реке, можно изменить русло! Тот же, кто видит течения и знает дно, способен поплыть в любую сторону!

В каждом из нас, Горн, живых существ, заключена способность чувствовать не только течение времени, но и прикосновение созидательной силы. В каждом из нас живет нечто, способное соединить свою силу с силою Провидения. Нечто, что может ослабить или усилить невидимый вектор и, что самое интересное, повернуть его, сделав завтра таким, каким хочется. Каждый из нас способен почувствовать несущую его реку, и каждый способен поплыть по ней. Это признаем и мы, и Хамовники. Разница между Жрецами Времени и Хамовниками лишь в том, что они обожествляют силу, несущую нас от рождения и до смерти, а мы признаем ее изучаемой. Мы думаем, что можно заставить познать себя каждого, они – что лишь Избранный способен направить свою сокрытую мощь в полезную для себя и других сторону. Мы утверждаем, что можно обуздать время, они – что пока неизвестно куда и почему бегут его волны, никто и ничто не смеет вмешиваться в ход часов Вечности. Наконец, мы считаем, что герой тот, кто сознательно обуздает охватившие его волны, а они – тот, кого Провидение само поднимет на самый гребень, избрав одного его из миллионов или миллиардов абсолютно таких же единиц человеческого общества...

Монах вздохнул, очевидно приходя к выводу, что и так сказал более чем достаточно.

– Вот и вся теория, Горн! Теперь ты доволен?! Мой тебе совет: подумай, а когда почувствуешь, что закипаешь, закажи что-нибудь жидкое и отупляющее...

Хонтеан решительно встал, чтобы отправиться в свою каюту. Но, к его большому удивлению, Горн все еще смотрел с интересом.

– Подожди! – попросил принц. – Скажи мне вот что: почему тогда Хамовники правят, а вы в изгнании?

– Потому что теория Хамовников утверждает, что к власти могут прийти только избранные, а по теории Жрецов Времени – любой желающий, поставивший себе цель. Хамовники поддерживают правящий класс, правящий класс поддерживает их. Все просто.

– Но если Хамовники запрещают влиять на Провидение, как же они могут оказаться сильнее вас, подстраивающих судьбу под себя?

Хонтеан улыбнулся:

– Для нас они делают исключение.

– Нарушают собственные законы?

– Да. Но винят в этом не себя.

– А что будет, если два равных по силе верующих пожелают противоположного?

– Если действительно равных – ничего.

– Как так?

– Если к одной точке приложить две равные, противоположно направленные силы, результирующий вектор станет равен нулю... Тебе преподавали физику?

– Какая же это физика? Это...

– Отдыхай, Горн! – Монах больше не мог и не хотел про-

должать беседу. Любознательность юноши перелилась через край чаши его терпения. – Ты далеко пойдешь, принц!

Глава 4

По расчетам пилотов, дорога до Данагота должна была занять тринадцать суток. Пассажиры провели это время по-разному.

Горн, несмотря на свойственную его возрасту самонадеянность, решил, что дополнительная подготовка не повредит – все тринадцать дней принц провел в спортзале, до седьмого пота отрабатывая удары, уклоны, выпады, броски, уколы и защиты. Неизвестно, смог ли он таким образом восстановить физическую форму, но от душевных переживаний избавился наверняка. У него не оставалось ни одной свободной минуты, когда можно было бы подвергнуться атаке тяжелых мыслей. Юноша каждый день изматывал себя до такой степени, что валился в постель практически без сознания.

Латорон все время был рядом. Понимая, что дай богатырю волю – и телохранитель не оставит его в покое, пытаясь отговорить подопечного от позорного, на его взгляд, выступления на арене, принц решил занять не только себя, но и своего офицера. Он подключил опытного солдата к своей тренировке, заставил его сражаться то на стороне инструкторов-голограмм, то против них. Таким образом юноша не только избавился от нравоучений и вздохов воспитателя, но и получил в тренировках важный случайный

элемент, называемый учителями «человеческий фактор» – непредсказуемое поведение живого организма все же имело свои особенности в сравнении с псевдослучайной логикой автомата для единоборств...

Хонтеана никто не видел и не слышал. Монах оказался настолько самодостаточной личностью, что все тринадцать дней довольствовался обществом самого себя, ни разу не обратившись к Мозгу с просьбой развлечь его голографическим фильмом, информационным роликом или музыкальным шедевром. Все тринадцать дней отшельник молча думал о чем-то заоблачном, неподвижно сидя на коленях в центре своей круглой каюты.

Наконец утром четырнадцатого дня капитан доложил принцу, что входит в пограничную зону Эвтэрова Кольца. Горн сразу же прервал тренировки, чтобы успеть привести себя и мысли в порядок. Латорон получил приказ заняться сбором информации и соблюдением всех необходимых формальностей.

Через какое-то время принц и телохранитель вновь встретились. Горн вышагивал по своему кабинету, в нетерпении поглядывая на разрастающуюся на стене-экране незнакомую красного цвета планету. Латорон пришел с новостями.

- Правила изменились, – с озабоченным видом сообщил офицер. – Каждый участник должен представлять себя сам.
- Какая мне разница? – не понял принц.
- Вы не сможете взять с собой эскорт, необходимый

для обеспечения вашей безопасности.

– Почему?

– Вне зависимости от происхождения каждый воин получает равные шансы. Сопровождать воина может только его личный тренер.

– Хорошо. Тогда я и Хонтеан.

Офицер всерьез испугался.

– Ваше высочество! – простонал он. – Данагот – не самый спокойный мир! Сюда слетаются авантюристы со всей галактики! Корабли приходят и уходят, а местные службы не в силах проверить всех... Я не отпущу вас одного!

– Перестань! – Горн недовольно поморщился. – Я иду рисковать жизнью, сражаясь с лучшими безродными в равной схватке и равным оружием, а ты толкуешь о каких-то проходимцах, которые подвернутся нам по дороге? Самому не смешно?

– Мой долг оберегать вас!

– Ты последуешь за мной до тех пор, пока будет можно. Потом ты меня оставишь. Устраивает?

– Я смогу наблюдать за вами только из зала. А зрительный зал изолирован от арены. Чтобы прийти к вам на помощь...

– Я достаточно взрослый, Латорон!

– На Данаготе запрещено ношение огнестрельного оружия – только клинки из самой обычной стали. В зрительном зале мы станем беспомощными наблюдателями!

– Ты предлагаешь мне вообще не приземляться на Дана-

готе? – спросил принц.

– Да, да, ваше высочество! Есть много других миров. Раз вы решили попробовать свои силы, мы обязательно подыщем для вас что-нибудь более достойное и безопасное! Я рассказывал вам о Данаготе, потому что бывал здесь, но уверен, что...

– Оставим! Я буду драться здесь и сейчас! Скажи, ты подобрал мне противника?

– Вы пожелали выбрать самого сильного из всех, кто подал заявки...

– Латорон, я знаю, что я пожелал! Ну?!

– Вы просили, чтобы я отыскал Мастера...

– Мастера, но не Избранного. К сожалению, настоящий Мастер не будет тратить время по задворкам галактики... Так ты нашел?

– Его имя Кургал. Ему сто тридцать семь лет, из которых не менее ста прошли на аренах космоса. Он – профессиональный боец. Из всех гостей планеты у этого человека самый высокий рейтинг. Кургал выйдет на арену завтра, а для Данагота его выход – настоящее событие. Вся планета готовится к прямой трансляции этого поединка.

Принц удовлетворенно потер руки:

– Превосходно, Латорон! Спасибо!

На лбу у офицера выступил пот.

– Ваше высочество, это не все. Дело в том, что... Кургал не станет сражаться с вами.

Принц замер от неожиданности:

– Это еще почему?!

– Рейтинг. Боец такого уровня не захочет сражаться с человеком без послужного списка. Вы ведь не хотите объявить, что вы принц?

– Я заплачу столько, сколько потребуется!

– Деньги здесь не помогут. Если у вас не будет документов, говорящих о вашем опыте и мастерстве, ничего не получится. Никто не допустит новичка до поединка планетарного уровня.

Принц вздохнул, недовольно взирая на своего опекуна:

– Латорон! Тебе все нужно сказать прямым текстом? Мне все равно как – я буду драться с лучшим бойцом Данагота! Подделайте документы! Пусть у меня появится этот... послужной список!

– Но... Вы ведь на самом деле так молоды...

– Кто об этом узнает? – Горн улыбнулся, восприняв напоминание о своем юном возрасте как похвалу: совсем молодой, он намеревался управиться с теми, кто напрасно кичится опытом и зрелостью. – Хорошо, дайте мне тридцать семь лет – на сотню меньше, чем у Кургала. Я молодой, но я Мастер.

– А если по базе пробьют биокод?

– По какой базе? По базе Данагота? Ты думаешь, они угадают во мне наследника одного из правящих домов космоса? Я инопланетянин – это все, что они могут знать. У них

есть список разыскиваемых преступников, есть биокоды людей, однажды проходивших досмотр, но никак не картотека на каждое живое существо в галактике! Такой просто не существует!

– Но если мы подделаем документы, для всех служб Данагота вы превратитесь в простолюдина! К вам станут обращаться неподобающим образом! Что, если будет нужно, а мы не сможем вмешаться?

– Прекрати, Латорон! Это же само собою понятно: я потерплю! Один день – один поединок. Потом можешь забыть о своих тревогах. Обещаю, мы покинем этот мир навсегда.

– Один поединок? Чтобы выйти против Кургала, вам нужно будет победить еще двух бойцов. Как и самому Кургалу.

– А эти четверо тоже профессионалы?

– Не четверо. С Кургалом и вами, если вас примут, бойцов будет восемь – четыре пары. Победившие в первом поединке сходятся во втором, победившие во втором – в третьем, финальном. Профессионалы все до единого. Теоретически в финал может выйти любой из них, но у Кургала самый высокий рейтинг.

– Так даже лучше. Битва не насмерть?

Офицер даже вздрогнул от подобного предложения.

– Разумеется, нет! Победа присуждается по сумме баллов... Но ваше высочество, я все же очень советую вам одуматься! Этот Хонтеан...

– Думает так же.

Принц и офицер в изумлении обернулись – оба не слышали, как вошел Жрец Времени. Старик стоял у дверей, каким-то недобрый взглядом смотрел на приближающийся Данагот, изображение которого величественно краснело на стене, и нервно барабанил пальцами правой руки по плечу левой.

– Что ты сказал? – изумился Горн.

– Я поддерживаю Латорона: мне не нравится этот мир.

– Вот как? – Горн сделал большие глаза, закипая в одно мгновение. – Ты идешь на попятную?! Ты уже не веришь в мою победу?! Ты врал мне, утверждая, что всемогущ?

Монах покачал головой:

– Я говорил, что твои желания исполнятся. Я не утверждал, что они пойдут тебе на пользу.

– Так я смогу победить на арене или нет?! – закричал принц.

Монах никак не отреагировал на крик, он всматривался в разрастающуюся планету.

– Ты победишь...

– А если победа будет за мной, стану я затем королем Инкрустара?

– Станешь...

– Отлично! – Горн не хотел больше продолжать разговор, который выводил его из себя. – Это все, что я хотел знать! Латорон, готовь документы! Хонтеан, изучи обязанности тренера; мне нужно, чтобы ты все время был рядом!

Все! Больше никаких доводов! Оставьте меня одного!

Посадка на космодроме «Ценон» одноименного мегаполиса заняла гораздо больше времени, чем планировали путешественники. Чтобы приземлиться, требовалось получить у портовых служб разрешение и координаты посадочной зоны, а портовики явно не успевали рассортировать поток прибывающей и убывающей техники. Космическое пространство вокруг Данагота кишело кораблями всех размеров и форм, как цветочный луг насекомыми. Капитану галеона предложили ждать, а ожидание затянулось на четыре часа.

По приказу принца, опасавшегося, что его планы сорвутся из-за непредвиденного промедления, Латорон использовал паузу, чтобы связаться с ассоциацией и сделать предварительную заявку на участие своего кандидата в завтрашних состязаниях. Оказалось, что заявок и без того подано больше, чем допускалось правилами, – более двадцати человек претендовали на каждое место.

Заявку все-таки приняли, но вероятность, что из двадцати человек выберут именно его, никому не известного парня из Королевства Веридор, с выдуманном списком побед, которых никогда не было, показалась Горну настолько ничтожной, что юноша начал всерьез задумываться, не явиться ли ему под настоящим именем и титулом.

– Тебя выберут, – равнодушно взирая, как юноша не находит себе места, сообщил Хонтеан.

– Откуда ты знаешь? – Горн помнил, кому задает вопрос, но боялся радоваться первому же обещанию.

– Тому много причин. Основная – ты идешь по нужной дороге. Верь в завтрашнюю победу, остальное приложится.

– Но как же ты сделаешь, чтобы меня заметили?

– Тебя уже заметили – ты прибыл последним. Даже с твоим вымышленным возрастом, делающим тебя вдвое старше, ты самый молодой и самый дерзкий из претендентов. А самое главное – в тебе есть что-то, что заставит приемную комиссию задуматься и присмотреться. Это что-то – рука Провидения, которая уже сейчас ведет тебя к завтрашнему событию. Люди уже подсознательно видят тебя героем завтрашних новостей, потому что завтра ты и в самом деле станешь героем... Как правило, мы не сопротивляемся неосознанному предчувствию того, что вскоре случится, – нам кажется, что решение исходит от нас, а подталкивает к нему не Провидение, а опыт и интуиция.

– Я бы на чудеса не рассчитывал! – недоверчиво скривившись, посоветовал Латорон.

Хонтеан только пожал плечами:

– Как хотите, время покажет.

Латорон отобрал десять самых крепких парней, переделал их в гражданские костюмы и вооружил резиновыми шестами со встроенными внутрь шокерами. Эти десять солдат, плюс сам Латорон, должны были сопровождать принца до гостиницы, где планировалось провести ночь, а затем до Дворца

Славы, где им предстояло раствориться в толпе и превратиться в неистовых болельщиков – вот максимальные меры безопасности, не которые согласился его высочество. Горн, Хонтеан и Латорон оделись по местной моде и превратились в горожан среднего уровня достатка.

Группой в тринадцать человек они сошли по трапу галеона на шумящий, светящийся голографическими указателями, глупыми рекламными вывесками и бегущими дорожками вечерний космодром Ценона, чтобы затем вызвать самое обыкновенное городское такси и отправиться на нем в ближайший ко Дворцу Славы отель, где Латорон заранее забронировал несколько простых номеров, заплатив за них втрое больше, чем они того стоили.

Такси оказалось аккуратным сигарообразным летательным средством с удобными креслами и приятной музыкой, а вот панорама за стеклами машины произвела на гостей не самое лучшее впечатление: динамика этого сумасшедшего, светящегося, гремящего, снующего и мчащегося во все стороны мегаполиса показалась чрезмерной даже горячему Горну; отшельник же Хонтеан предпочел и вовсе закрыть глаза, чтобы уберечься от головокружения. Латорон нервничал, сознавая, что сделал большую глупость, проболтавшись его высочеству о планете турниров. И лишь солдаты в соответствии с полученными указаниями притворялись, что не замечают движения снаружи, и занимались своими делами: играли в карманные приставки, читали проецируемые

на стены спортивные новости, насвистывали под нос, дремали или задумчиво грызли ногти...

– Мне здесь не нравится, – не открывая глаз, повторил свой прежний вывод монах.

– Почему же?

На этот раз принц заинтересовался – ему не перечили, а значит, он мог выслушать мнение монаха спокойно.

– Здесь Хамовники. Это их планета.

Юноша улыбнулся.

– Исключено. Данагот слишком шумный для степенных служителей.

– В воздухе напряжение, – объяснил монах. – Здесь играют судьбами, как разменной монетой. Либо здесь Хамовники, либо кто-то из моих единоверцев. Второе менее вероятно.

– А мне это не помешает?

– Тебе – нет. Мне – возможно.

Юноша посмотрел вопросительно, но монах не захотел вдаваться в подробности.

Отель оказался достаточно экзотическим зданием – небоскреб с треугольной крышей, которую поддерживали тянущиеся от самой земли колонны. Со сто семидесятого этажа, где располагались снятые Латороном покои, открывался прекрасный вид на общественную часть города и непосредственно на сам Дворец – большое цилиндрическое строение, «сложенное» из полированных стальных колец и светящееся

в промежутках между кольцами красивым голубым сиянием. Огромная голографическая вывеска в воздухе над дворцом информировала пролетающие мимо катера о грандиозном шоу «восьми лучших из лучших»...

Обычные «дешевые» номера между тем изобиловали всевозможными техническими новинками из области бытовых услуг.

Горн опустил в массажное кресло, приказал бару «изобразить» бокал апельсинового фреша, вызвал на огромное, во всю наружную стену, стекло обзор наиболее живописных видов Ценона и, блаженно улыбаясь, пошутил, что никогда больше не станет бронировать себе люксов.

Латорон расставил восемь парней в коридоре и на этажах – в местах, где те не слишком мозолили глаза прочим посетителям. Двоих поставил с внутренней стороны дверей номера Его Высочества, а сам отправился на балкон, где разместился на стуле, намереваясь провести так всю ночь, опрашивая по связи подчиненных и поглядывая на экран своего карманного биорадара.

Хонтеан отправился в соседний номер и до утра ничем не напомнил о своем существовании.

В семь часов утра ожил факсовый аппарат – на стол выпали два новеньких приглашения с тиснением и магнитным кодом, защищающим от подделок. Горн проснулся за миг до этого, разбуженный предчувствием некой радостной новости.

– Он был прав! – заорал юноша, подхватывая со стола цветные полимерные карточки. – Меня выбрали!

Ворвавшийся на шум Латорон с расстроенным видом покачал головой – он до последнего надеялся, что у Хонтеана ничего не получится.

– Бой в одиннадцать! – прочитал принц. – Осталось не так много времени!

Вместо еды, которая наполнила бы желудок тяжестью, а значит, сделала бы тело слабее, Горн «позавтракал» внутривенной инъекцией. За десять минут размяв мышцы, он потратил более получаса на «оживление» мыслей – на специально разработанную для людей действия зарядку сознания. Еще полчаса у него ушло на водные процедуры.

Закончив с туалетом, Горн решил, что пора звать Хонтеана и отправляться на поединок. Хонтеан пришел абсолютно таким же спокойным и пугающе бледным, каким был вчера, – словно не ложился спать вовсе.

– У тебя будут для меня наставления? – бодро спросил принц.

– Только одно: помни кубики!

– А для меня? – неприязненно сверкнув глазами, пробубнил Латорон.

– Для тебя? Не волнуйся о том, что выше твоего понимания!

Они шли втроем: Горн, Латорон и Хонтеан. Десять солдат следовали тем же маршрутом, но на некотором расстоянии,

рассредоточившись и всячески скрывая, что следят за троицей, безопасность которой сейчас обеспечивали.

Солнца видно не было, но красное небо буквально слепило глаза.

Вокруг Дворца Славы уже собирались воздушные катера и наземные машины горожан. Людей пока было немного, они топтались на месте или прогуливались, переглядываясь и обмениваясь мнениями об участниках, списки и голографические изображения которых уже красовались на рекламных экранах.

Приглашения послужили Хонтеану и Горну пропусками. Особой строгости здесь не требовалось – честь стать героями сегодняшнего мероприятия оплачивалась полломанными ребрами, лопнувшими сухожилиями, колотыми и рублеными ранами. Только глупец мог попытаться встать на место тех лучших, кого отобрала судейская комиссия. Он был бы в первом раунде, пострадав и не получив ни славы, ни денег. Латорону и его людям пришлось остаться на улице в ожидании, пока начнут впускать зрителей.

Внутри Дворца господствовали современные дизайнерские решения, воплощенные в новейших и дорогих материалах. Холодный блеск благородных сталей поручней и лифтов, потустороннее свечение полимерных камней колонн, кажущаяся глубокой полупрозрачность темного цвета стен...

Едва Горн и Хонтеан ступили под высокие своды здания,

к ним устремилась группа из нескольких дородных мужчин в черных фраках и двух десятков красивых, сексуально одетых и улыбающихся женщин. Принцу предложили подписать ряд документов, где в основном заверялось, что он ознакомлен с правилами турнира и снимает с организаторов мероприятия всякую ответственность за свою жизнь и здоровье.

– За какой приз вы намерены бороться? – спросили у Горна женщины.

– Я должен определиться заранее? – удивился принц.

– Нет, но, если вы верно предскажете результат, ваша ставка удвоится!

– Какая ставка?

– Вы пришли сюда, не зная о призовом фонде?

– Мне все равно, какой у вас фонд. Я пришел за победой!

Люди почтительно расступились, пропуская гостей в комнаты для участников.

– Красиво сказал, – лишенным эмоций голосом сообщил Хонтеан. – Пресса такое любит.

Юноша поморщился, оглядываясь:

– Прав был Латорон. Они сражаются из-за денег! Эти безродные позорят своей грязной забавой благородный обычай!

– Ты и в самом деле считаешь, что физически отличаешься от тех, кто не рожден королевами и королями? Не надейся, что эти «безродные» сдадутся от одного твоего величавого вида! Готовься к равному бою!

– Как раз то, что мне нужно! – заявил Горн.

Зал для поединков представлял собой круглую арену, окруженную амфитеатром расположенными сиденьями для простых зрителей и лоджиями для гостей с достатком, которые обслуживали официанты. От зрителей бойцов отделяло стекло, которое помимо защиты одних от других проецировало вид на арену таким образом, что на любом месте в зрительном зале происходящее внизу действие смотрелось так же, как из первого, лучшего и ближайшего ряда трибун.

Комнаты для участников находились ниже уровня амфитеатра, но одной псевдопрозрачной стеной выходили на арену, позволяя ожидающим своей очереди бойцам следить за успехами своих конкурентов. В комнатах имелось все необходимое для подготовки к поединку и отдыха в перерывах между сражениями: массажные ложи; релаксационные ванны; автоматы для отработки ударов; видеоаппаратура для просмотра записи сражения и поиска допущенных в нем ошибок; медицинские синтезаторы; гардеробная, которая была заполнена прорезиненными костюмами, стилизованными под древние латы; оружейная с намеренно плохо заточенными мечами разного веса и формы.

Горн выбрал легкий прямой клинок, похожий на его собственный, оставленный на галеоне, и сделал несколько взмахов правой, затем левой рукой, привыкая к оружию.

– Как у них тут все... продумано, – презрительно оглядываясь, пробормотал принц.

– Избавься от чувства превосходства – это лишнее, – посоветовал Хонтеан. – Не думай. Ложись в массажное кресло и разогрей мышцы!

Горн послушался.

– Ты сам держал в руках меч? – спросил он, когда силовые поля массажёра заставили сокращаться сразу все мышцы его тела.

– Я давно живу, – уклонился от ответа Хонтеан. – А у тебя этот бой – первый?

Горн фыркнул:

– Я Мастер Зеленого Клинка!

– Но с людьми ты не дрался?

– Нет, но...

– Тогда имей в виду: разница между человеком и автоматом в том, что люди способны почувствовать прикосновение Провидения, а автоматы всего лишь отрабатывают видимую сторону ситуации. По беспричинному беспокойству, по предчувствию чего-то плохого, по непонятной, неожиданной потере веры в успех человек может заметить, что некая сила старается изменить ход событий, до сих пор складывавшихся в его пользу. Человек способен интуитивно воспротивиться готовящемуся удару судьбы, мобилизовать и использовать свои внутренние резервы...

– Но ты ведь этого не допустишь?

– Этого не допустишь ты, я лишь помогу.

Через час зрительный зал начал заполняться посетителя-

ми. На арене появились танцовщицы – юные красотки в бикини. Они так ритмично и грациозно двигались в такт быстрой музыке, что едва не заставили принца забыть, где он и зачем он здесь. У юного воина кровь закипела в жилах, а голова закружилась от непонятной сознанию радости...

Время шло, ряды заполнялись, танцовщицы менялись, ускорялась или утихала мелодия...

Наконец голограммы на стене дали понять Горну, что пора выбираться из сладких объятий массажной ложи и подобрать для себя форму. Все костюмы оказались новенькими, безразмерными, с возможностью автоматически подтягиваться по габаритам владельца. Горн выбрал зеленый – с намеком на цвет меча, которым хотел бы, но не имел шанса похвастаться. Даже несмотря на отвращение к карнавалу, в котором участвовал, юноша вынужден был признать, что синтетические, упругие «латы» не только удачно смотрятся на его статной фигуре, но совсем не стесняют движений и хорошо защищают там, где это было наиболее кстати.

В комнате появился мужчина в строгом белом костюме.

– Вы готовы? – с поклоном поинтересовался гость.

– Думаю, да, – кивнул принц.

– Что-нибудь пожелаете?

– Нет, все в порядке.

– Ваш выход через десять минут. Вы сражаетесь первым.

Мужчина вышел, а Горн встряхнулся, радуясь, что ждать осталось совсем недолго.

– Как думаешь, почему я иду первым? – спросил принц у монаха. – Уважение?

Вместо того чтобы поддержать добрым словом, Хонтеан усмехнулся:

– Наоборот – о тебе никогда не слышали. Хотят отсеять в первом же поединке.

– Ты так чувствуешь или думаешь?

Самолюбие Горна было уязвлено.

– Так думаю.

Танцовщицы покинули арену, а на стене в комнате Горна появились голографические иллюстрации, описывающие основные законы турнира. Кроме всего прочего в них говорилось, после какого сигнала участник должен проследовать на арену, а после какого – считать бой законченным. Тренеру полагалось смотреть из комнаты, но предоставлялась возможность выйти на связь с судейской коллегией.

Голограммы пропали, завывли трубы, стена распалась, открывая золоченую лесенку, ведущую на этаж выше, на уровень арены. Горн вздохнул и шагнул на бегущие вверх ступеньки.

Глава 5

На арену Дворца Славы поднялись два первых участника турнира. Один был одет в зеленые «латы», другой – в черные. Оба скрывали лица за шлемами, защищающими от повреждений голову и шею. Но даже так, укутанные с головы до ног, они разительно отличались. Воин в черном был ростом более двух метров и очень широким в плечах. Воин в зеленом – гораздо меньше и худощавого телосложения. В руках воина в черном был тяжелый двуручный меч таких же внушительных размеров, как и его обладатель. Воин в зеленом вышел с обыкновенным коротким и легким клинком для рукопашного боя.

Зал буквально взвыл, предвкушая необычное зрелище. Арены Данагота видели всякое, поэтому никто не усомнился: каждый отобранный для сегодняшнего шоу боец не мог оказаться случайным гостем. И все же противники разнились так сильно, что невозможно было представить, как же слабенький на вид человек в зеленом сможет противостоять опытному мускулисту гиганту черного цвета. Адреналин хлынул в кровь болельщиков. В панели компьютеров, установленных перед сиденьем каждого зрителя, вошли тысячи карточек, тысячи ставок устремились в банкоматы Дворца Славы. Этот единый порыв тысяч человек накалил атмосферу зала, мурашки побежали по коже стоящих на аре-

не и изучающих друг друга противников.

В лоджиях для VIP-персон тоже заволновались. Сидящие там гости делали ставки иного порядка. Они любили заставить себя понервничать, но предпочитали избегать глупых сюрпризов. Руки потянулись к планшетам с программой праздника. Мысли закрутились вокруг подноготных каждого претендента. Никому не известный Горн заставил вельмож Данагота и именитых гостей-инопланетян недоуменно морщиться и оглядываться в поисках тех, кто что-то знает наверняка.

– Он и в самом деле прибыл из Королевства Веридор? – спросил сурового вида мужчина в штатском, но с выправкой старого военного у мэра города, только вернувшегося после беседы с организаторами праздника. Группа, к которой относились эти двое, располагалась в самой большой лоджии – уставленной столиками и лежаками оранжерее, сотворенной на самом центральном балконе. Кроме мэра и неизвестного в этом месте находилось около двадцати человек, лежащих, сидящих или прогуливающихся у самых перил, размещенных всего в метре от защитного стекла с проекцией арены, но дополняющих ощущение зависшего над театральной сценой.

– Судя по документам, да, сэр Мэнриот.

Мэр пожал плечами, показывая, что в равной мере не исключает и обратное.

– Почему спрашиваю? – У бывшего военного был непри-

ятный с хрипотцой голос. – Послужной список! Молодой человек сражался где угодно, только не дома. Все его победы завоеваны в секторах, находящихся по ту сторону галактической спирали.

– Хотите сказать: в списке побед самые удаленные от Эвтэрова Кольца системы?

– А вам это не подозрительно?

Мэр отделался улыбкой вежливости:

– Еще минута, и мы все узнаем!

– Как вас понимать? Рекомендуете воздержаться от ставки на первый тур?

Мэр занервничал. Очевидно, гость был важной персоной, которую не стоило выводить из себя.

– Я не осмелюсь советовать. Если хотите совета, лучше спросить у них.

Мэр указал на дальнюю часть балкона, где за столиком под деревьями восседали трое скуластых, широкоплечих мужчин с пронизывающими ледяными взглядами. Все трое – в ослепительно белых накидках.

Мэнриот потянулся, чтобы посмотреть, куда указывает рука мэра.

– Кто они?

– Эмиссары Ордена.

– Хамовники Провидения? – Бывший военный нахмурился, откидываясь в кресле. – А что эти типы здесь делают?

– Пришли посмотреть на поединок, как и мы с вами.

Хамовники не пропускают возможности укрепиться в собственной вере – они любят следить за игрой Провидения. Здесь, или в казино, или на лотереях...

– Хорошо, если так!

В ворчании Мэнриота почувствовалась угроза, словно вина за появление на балконе Хамовников ложилась на власти города.

– Вы не ладите с Орденом? – удивился мэр.

– Не люблю, когда в мои дела лезут, – объяснил гость. – Хамовники очень неделикатные люди. Им кто-то сказал, что можно совать нос во все щели!

– Эти трое не сановники, а простые исполнители, – успокоил мэр, хотя сам заметно занервничал. – Ваши дела их не касаются.

– Как и меня – их мнение. – Гость дал понять, что возвращается к начинающемуся на арене действу. – Итак, первый тур мы пропускаем?

Воинов представляли публике громогласно и под пение труб. Черного звали Робон Ин. Он был выходцем из Кольца Жаира. Шестьдесят пять лет. Участвовал в семидесяти поединках, из которых в шестидесяти пяти одержал верх. Зеленого звали Горн Рок. В настоящее время он состоял на службе у королевской семьи Веридора. Провел тридцать боев, все тридцать блестяще выиграл.

Когда стихли фанфары, воин в черном сделал четыре глубоких поклона на все стороны света – зрителям, судейству

и противнику. Воин в зеленом ограничился едва заметным кивком головы, и то только воину в черном.

– А он грубиян! – отметил Мэнриот. – Нагло проигнорировал традицию! Хочет обратить на себя внимание?

Мэр кивнул, соглашаясь:

– Его либо возненавидят, либо полюбят.

Прозвучал сигнал к сближению.

Черный быстро пошел вперед, делая круговые взмахи полутораметровым обоюдоострым лезвием из тяжелого сплава. Напор, скорость и сила – зрители невольно сжались, не представляя, как парень в зеленом уцелеет в такой мясорубке. Но Зеленый ухитрился увернуться. При этом оказался за спиной великана так быстро, что по рядам зрителей прошел вздох удивления. Короткий меч метнулся в область почек Черного, уколол и отпрянул.

Защитные «латы» выдержали, а огромный меч богатыря со свистом рассек воздух. Великан обернулся, описывая круг смертоносным оружием, от встречи с которым Зеленого не спасли бы никакие костюмы. Но Зеленый вновь выскользнул, а Черный потерял еще одно очко, получив второй укол, теперь между лопаток.

Проворность хрупкого новичка привела зрителей в восхищение. Зеленый был юрким, как ящерица. Казалось, он вообще ни секунды не стоял на месте, замирая иногда лишь для того, чтобы глаза соперника успели зафиксировать цель, а руки опустить меч в никуда и открывая для ответного уда-

ра корпус.

– Когда-нибудь он ведь устанет? – предположил мэр.

Мэнриот с видом знатока покачал головой:

– Если так пойдет дальше, устать он не успеет!

Богатырь в черном пропускал укол за уколом. Зрителям казалось, что Зеленый попросту тратит силы и время, нанося удары так, что защитный костюм противника остается неповрежденным. На самом деле юркий боец знал что делал: каждый его выпад преследовал цель, подкрепленную знаниями анатомии. Черный не получал ран, влияющих на его здоровье, но каждый укол коротким острым клинком причинял богатырю сильную боль и сводил судорогами мышцы в области поражения. Опытный боец, он не думал сдаваться и не терял уверенности в победе, но его нервная система сама предательски возбуждалась, умышленно раздражаемая играющим по непонятным правилам Горном. Напряжение росло и через пять минут поединка выплеснулось срывом: Черный закричал от ярости и ударил, не рассчитав сил. Зеленый подыграл – остался под ударом чуть дольше, чем было необходимо. Несмотря на преимущество в ловкости, ему даже пришлось изменить направление движущегося меча врага, чуть скользнув по нему клинком, чтобы успеть убрать корпус. В итоге меч Черного мощно рубанул по матовому полимерному покрытию арены, царапнул пол, отскочил, и, чтобы совладать с ним, Робон потерял время, которым и воспользовался противник.

Словно змея в броске, Горн метнулся к Черному и ударил того по голове локтем, вложив в удар весь свой вес и импульс прыжка. Робон пошатнулся, но Горн прыгнул еще раз, оттолкнулся ногой от опущенного меча врага, чтобы взлететь выше и не дать Черному поднять оружие, и ударил противника ногами в грудь.

Все произошло в какую-то секунду. Черный тяжело грохнулся на спину, а на его груди оказалось колено Зеленого. Мгновение – и отработанным до автоматизма движением Горн срезал крепеж шлема Черного, обнажил шею противника и прижал острое лезвие к незащитному горлу.

Зал на миг затих, а затем взвыл от удивления и восторга.

– Что это он сделал?!

Глаза Мэнриота были большими от удивления.

– Очень необычное завершение поединка! – поддержал мэр.

– Да нет же, как раз вполне обычное... – буркнул Мэнриот. – Откуда он такой взялся?

– О чем это вы?

– Что его потянуло к горлу? Да еще так ловко... Не понимаете?

– Нет.

– А Хамовники вон заинтересовались! – Эмиссары Ордена и в самом деле безотрывно, но ничего не выражающими глазами уставились на молодого победителя. – Парень прошел особую школу!

– Думаєте, на него можна ставити? – зробив висновок мэр.

– Во всякому випадку, він відрізняється від інших... Подивимося!

Бій закончили досить рано на тому підставі, що Робон змушений був визнати свою поразку. Звичайно таке не привіталося – глядачі могли вимагати назад гроші, вважаючи, що заплатили за більше часу задоволення, ніж отримали. Перемога присуджувалася по очкам, а дралися стільки, скільки дозволено. Винятки складали увечеря, змушували оборвати зустріч. В даному випадку Робон залишився цілим і невразливим, а поєдинок перервали. Але від несподіваності розв'язки люди навіть не зрозуміли, що чого-то позбулися. Пол розпався, відкриваючи сходи вниз, і Горн спустився в свої покої, супроводжуваний не свистом, а аплодисментами і радісним ревом.

– Це було просто!

Принц посміявся, щоки його горіли.

– Останнє зайве!

Хонтеан подивився з холодним неохайством.

– Зупинися. – Горн махнув рукою, розстегиваючи «лати» і одним рухом скидаючи зелений одяг. – Я захопився! Нічого страшного... Не вбив же я його!

– Для тебе це дрібниця, – пояснив монах. – Для інших – незвичайний вчинок. Не забувай: ти не принц, тут немає Обраних, воїни Данагота не навчені рубити голови!

– Думаєш хто-то помітив?

– Чувствую, что заметили... Но помни: ты идешь своею дорогой. Я не решаю за тебя, а только помогаю тебе. Сунешь голову в петлю – возможно, она и затянется! Так что в дальнейшем будь осторожнее!

– Когда мой следующий выход?

– Три боя отдыхаешь. Потом полуфинал. Бой отдыхаешь – финал.

– Отлично! Я – отдыхать!

– Не желаешь посмотреть на конкурентов?

– Только на Кургала... и то не очень.

– Самонадеянный ответ, молодой человек!

– Я ведь должен не победить, а проверить твою теорию.

Пусть будет, как будет!

Горн опустил в релаксационную ванну. Забурлила пугающей питательной кожей субстанция, зажегся лечебный свет, оживили сканеры Мозга, улавливающие биоволны органов, здоровых или нуждающихся в особом внимании. Принц блаженно улыбнулся, закрыл глаза и расслабил мышцы, позволяя машине снимать с тела и нервной системы накопившееся там напряжение.

Монах посмотрел на своего ученика таким ничего не выражающим спокойным взглядом, каким смотрел бы на неодушевленный камень или дерево. На самом деле принц и история, частью которой становился теперь старый отшельник, едва-едва занимали мысли Хонтеана. Каким бы путем ни пошел этот юноша, Жрец Времени одинаково спо-

койно проводил бы его как вверх, так и вниз. Горн принял решение отдыхать – монах и не думал спорить, он спокойно опустил в кресло и невидящим, погруженным в глубины воспоминаний взглядом смотрел на продолжившееся на арене шоу.

Впрочем, Горн очень быстро понял, что не сможет спокойно лежать в ванной, в то время как все его мысли устремляются к проходящему совсем рядом действию. Сперва он потребовал, чтобы трансляцию включили прямо над головой, но под воздействием лечебной программы ванны так и не мог сосредоточиться, чтобы понять, на что смотрит. В итоге принц возмущенно фыркнул и выбрался из жидкости. Возникшие из ниоткуда антигравитационные шары-фены мгновенно высушили его кожу и волосы.

– Передумал? – спросил Хонтеан.

Горн молча сел в соседнее кресло – ему не хотелось, чтобы монах решил, что принц послушался чужого совета.

К этому моменту второй поединок уже завершился. Начался третий. Один воин вышел в красном, другой – в синем. Внешне оба стоили один другого, как вскоре выяснилось, – не только внешне. Оба воина прекрасно владели клинками одной длины, оба высокого роста, плечистые, коренастые. Оба подвижные, быстрые, сильные. Дрались красиво, фехтовали с мастерством профессионалов. Звон стали и летящие от ударов меча о меч искры добавляли поединку красочности.

По очкам с небольшим перевесом победил Красный.

– В следующей паре Кургал, – сообщил монах, который, оказывается, не только думал, но что-то видел и слышал.

Горн наклонился вперед, словно так мог лучше разглядеть своего главного конкурента. Но какое-то время его, как и зрителей, развлекали танцовщицы – на этот раз испытывая терпение юноши. Наконец музыка смолкла, чтобы смениться фанфарами. По стене-экрану побежали ролики с информацией, а на арену поднялись двое. Зал зашумел так, что задрожали стены.

Эти бойцы не вписывались в стандарты, которым отвечали все предыдущие. Противник Кургала, Шокат, был огромным, массивным, тяжелым и казался неуклюжим увальнем. Кургал выглядел поскромнее, лучше сколоченным, но каким-то несимметричным. То ли чуть сторбленная спина, то ли длинные руки, то ли вжатая в плечи голова делали этого человека отталкивающим, некрасивым. Кургал был в прозрачном шлеме. Лицо у него было суровое, взгляд – жесткий, глаза – пустые.

После знакомства с глазами Кургала у Горна внутри что-то сжалось. Хонтеан посмотрел на принца:

– Достойный противник?

Горн вздрогнул от неожиданности. Он не подозревал, что монах проник в его эмоциональный мир – ничто вообще не выдавало, что старик не спит.

– Неприятный, – кивнул Горн.

Кургал и Шокат сошлись. Сперва оба двигались медленно, били осторожно, попасть не старались. Затем как-то незаметно темп поединка стал нарастать. Шокат, только что казавшийся увальнем, на поверку оказался очень подвижным. Кургал – жестким, спокойным, расчетливым. Горна поразила сила, с которой наносились удары, и легкость, с какой они отражались.

– Их неверно свели вместе, – после десяти минут боя с невольным восхищением пробормотал принц. – Им бы в разные пары – добрались бы до финала.

– Если бы здесь не было тебя, – напомнил монах.

Через пятнадцать минут ситуация все еще оставалась прежней: и Шокат, и Кургал рубили с такой силой, словно хотели взять сталь мечей усталостью и разбить оружие в дребезги. Оба держались уверенно. Шокат чуть уступал, но скорее психологически, нежели по очкам. Зал был на стороне Кургала, да и сам Кургал и своим видом, и своим опытом не мог не внушать тревоги.

– Внимание! – предупредил Хонтеан. Глаза монаха как-то странно полыхнули от отразившегося в них события, которого еще не случилось.

Горн напрягся, но вроде бы на арене ничего не менялось.

– Он давит волей, – объяснил монах. – Смотри сейчас!

Меч Кургала сделал серию обманных движений – первый раз за весь бой – и настолько сложную, что даже Горн не мог с уверенностью сказать, сумел бы защититься, окажись сей-

час на месте Шоката. Завершив серию, уведя оружие и внимание противника из зоны удара, ничем не останавливаемый меч прославленного воина со страшной силой обрушился на плечо Шоката и в одно мгновение отсек ему руку вместе с ключицей.

Горн невольно зажмурился. Зал застонал и от ужаса, и от восторга. Медицинское сопровождение праздника оказалось на высоте: потерявшего сознание Шоката тут же положили на передвижной синтезатор. Плечо пришили на место, воина привели в чувство... Все было сделано еще до объявления результата.

– А ты говоришь «простолюдины», – напомнил о былом высокомерии юноши Хонтеан.

– Я его уложу! – скорее чтобы избавиться от пробежавшего по венам холодка страха, чем для монаха, заявил Горн.

– Одевайся. Перерыв на танцы – и твой второй выход!

– Кто мой противник?

– Ты лежал в ванной, когда она побеждала.

– Она?! – Горн остолбенел от изумления. – Мой противник – женщина?!

– Что ты так заволновался?

– Я не буду драться с дамой! – твердо заявил Горн.

– Она выше тебя на голову и куда крепче физически.

– Это не имеет значения! – крикнул Горн в сердцах: неужели монах не понимает суть проблемы. – Я – принц!!! Я не могу публично ударить женщину!!!

Хонтеан равнодушно развел руками:

– Тогда тебе засчитают поражение. Проиграв полуфинал, ты потеряешь шанс сразиться в финале.

– Не дави на меня! – прорычал Горн.

– Поступай как считаешь нужным!

Горн взвыл, вскидывая кулаки:

– Но я не могу с нею драться!

– Она сильный противник, коль прошла во второй тур. Твоя щепетильность будет оскорбительна даме, принизит ее в глазах зрителей. Она не оценит и не поймет, она решит, что ты струсил.

– Прекрати, Хонтеан!

– Хорошо. Если ты не можешь ударить женщину, выиграй, не прикасаясь к ней.

Горн перевел дух, прислушиваясь к смыслу последних слов.

– Как это? – поинтересовался юноша.

– Не бей, но не давай ударить. Защищайся так, чтобы все поняли: ты не хочешь драться, но ты гораздо сильнее. Если не дисквалифицируют за пассивность, есть шанс одержать победу, не нарушая правил хорошего тона.

Горн медленно закивал, обдумывая:

– Я понял тебя...

– Конечно, это гораздо труднее, но ты ведь и искал трудностей? Справишься?

– Попробую...

Принц второй раз шагнул на арену. Теперь ставки были поделены поровну – половина зрителей предсказала победу Горну, половина – его сопернице. Высокая, мощная, с горящими, как у зверя, глазами – меньше всего ее стоило относить к представительницам «слабого» пола. Прозрачный шлем позволял видеть собранные вверх длинные волосы и не слишком красивое, но все же достаточно нежное (по сравнению с мужским) лицо. Женщина оделась в золото: «латы» не только украшали их обладательницу, но и играли на свету, отвлекая внимание противника. Женщину звали Котри.

– На кого ставите? – подобострастно наклонился к своему гостю мэр.

– На парня, разумеется.

Мэнриот скривился, считая вопрос дурацким.

– Вы так в нем уверены?

Мэнриот хмыкнул:

– Не хочу же я, чтобы в финал вышла женщина?! Надеюсь, парнишка не подведет...

Принц смотрел на свою соперницу снизу вверх. Меч в ее руках казался тяжелым, руки – мощными и ловкими. Не нападать, а защищаться? Он не был уверен, что и вовсе выстоит перед этой машиной!

Женщина поклонилась на четыре стороны. Горн вновь лишь склонил голову, на этот раз галантным жестом, каким благородные господа приветствовали благородных дам. По залу прошел ропот – Зеленый в очередной раз подчерк-

нул нежелание проявлять уважение к болельщикам и судейской коллегии. Хамство становилось его визитной карточкой – некрасивой, но запоминающейся.

По сигналу Котри молнией метнулась навстречу. Не ожидавший такой скорости Горн едва-едва увернулся от колющего выпада, потерял равновесие и откатился по полу. Котри спокойно выпрямилась и сделала несколько неторопливых шагов, словно тут же спустила пар и готовилась перейти в оборону. И вновь молниеносный бросок. Горн ушел с линии атаки, но опять совсем без запаса времени. И снова бросок...

Сочетание медлительности и скорости. Необычная манера ведения боя несколько минут не давала Горну выработать ответную тактику. В него, правда, не попадали, но по очкам он явно начинал уступать. В один выпад женщина делала один или несколько уколов – очень точных, просчитанных, быстрых. И когда Горн понимал, что не успевает переставить ноги, он откатывался по полу или перелетал через Котри в сальто – вся эта эквилибристика не шла ему в плюс в глазах судей.

Если бы Горн мог ответить ударом, он бы поразил корпус противницы, сделавшей свое тело снарядом, который в момент броска ничего вокруг не видит и не предполагает. Но принц не мог унизиться до равного боя с особой женского пола, этого ему не позволяло строгое воспитание отпрыска королевской крови...

Прошла половина отведенного на раунд времени, когда Горн наконец определил, что нужно делать. Положение его корпуса, его движение в момент перед броском Котри определяли, как, когда и куда будет предпринят прицельный выпад. Атаки Золотой были продуманы, благоприятный для удара миг выбирался быстро, но он выбирался. Вместо того чтобы ждать, пока его атакуют, Горн сам стал подготавливать моменты, которые Котри сочтет удачными – замирал дольше, чем было можно, неуверенно отводил взгляд, как бы невзначай чуть опускал меч. Тогда у него появился козырь: зная о броске до броска, он мог уйти от удара не интуитивно, а по заранее продуманному хитрому плану.

Котри так ничего и не заподозрила. Ее противник вдруг стал уклоняться намного быстрее – все, что смогла понять женщина. При этом она видела уход противника, успевала понять, что движется не туда, но не настолько владела своим телом, чтобы изменить направление уже во время прыжка, в единый импульс которого вкладывала все силы. Но, как верно рассчитал Горн, все же пыталась! В итоге ноги Золотого бойца путались, центр тяжести уходил в сторону, меч не завершал укола и бессмысленно рубил воздух.

Поначалу зрителям казалось, что Котри просто устала. Несколько раз траектория ее коронного выпада выглядела странной, несколько раз женщина не смогла сразу же остановиться после выпада и улетала через арену, ударяясь о стеклянные борта-экраны, несколько раз падала прямо в прыжке,

словно не успела придумать, как опуститься на ноги. Потребовалось несколько минут, чтобы болельщики и судьи осознали, что причина неловкости Золотой не в ее слабости, а в филигранной технике Зеленого, который намеренно сбивал женщину с толку. Тогда зрители поняли и другое: Зеленый давно мог нанести решающий удар и прекратить этот танец, но почему-то не желал этого делать! По данным информационного центра, которые тут же вызвали на все экраны, в течение десяти минут боя меч Горна вообще ни разу не обратился против его противницы!

Зал волновался и шумел: воин в зеленом продолжал удивлять всех своими странностями!

– Какого черта ты делаешь?! – понимая, что превращается в посмешище, взревела наконец сама Котри, в ярости сбрасывая с головы шлем. – Дерись же!

– Я не дерусь с женщинами! – тяжело дыша от усталости, объявил Горн.

– Тогда что ты вообще здесь делаешь?!

– Какое тебе дело?! – крикнул принц. – Это мои проблемы! Хочешь победить – бей! Ты сильнее – докажи это!

Зрители слышали разговор: кто-то захохотал, кто-то сделал большие глаза, кто-то зарычал от возмущения. Во всяком случае ни один больше не сидел на месте спокойно.

– Он нравится мне все больше и больше! – с довольной улыбкой оглядывая волнующийся зал, заявил Мэнриот.

Заревев, как раненная медведица, Котри бросилась к Гор-

ну с намерением безо всякой хитрости изрубить насмешника на куски. Теперь оборона далась принцу легче – отражая и отклоняя уколы, защищаясь от ударов и стремительно маневрируя по арене, Горн получил возможность продемонстрировать преимущество в мастерстве фехтования.

Ни разу не попытавшись ответить ударом на удар, принц не только выстоял до финального гонга, но и ухитрился своим умением завоевать уважение публики, какое-то время назад просто взбешенной его отказом честно отрабатывать хлеб.

Время вышло, противники разошлись. Горн – улыбающийся и гордый собой. Котри – с налитыми кровью глазами и сжатыми до хруста зубами.

Судьи совещались довольно долго. Решающими оказались не очки, а любопытство и финансовый интерес – финал, на котором устроители зарабатывали самые большие деньги, обещал стать поистине непредсказуемым, если в него выводили чудака Горна, и не обещал ничего особенного, если бы в него прошла женщина Котри.

Под рев толпы, в котором было столько же оскорблений, сколько восторга и уважения, Горн вновь спустился в свои комнаты победителем.

– Превосходно, – похвалил Хонтеан. – Они предпочли тебя... Но ты едва стоишь, парень. Иди отдыхай! Нужно обязательно восстановить силы: Кургал сильный противник, он может взять на измор.

Кургал победил в своем полуфинальном поединке спокойно, без напряжения. Измотав противника десятью минутами равномерного наступления, боец довершил дело новой комбинацией секретных приемов, которой Красный боец не смог ничего противопоставить. И в этот раз потребовалась помощь медиков.

– Он то, что мне нужно, – стараясь логикой заглушить страх, рассудил Горн. – Стабилен, не допускает ошибок, финальная атака всегда неожиданна и сокрушительна. Без тебя мне с ним точно не справиться. Если выиграю, значит, с тобой и в самом деле можно бросать вызов Фаору!

– Ты не о том думаешь, Горн, – вздохнул монах. – Помни кубики! Если вместо того чтобы надеяться на удачу, ты будешь ЗНАТЬ, что всегда удачлив, моя помощь станет излишней.

За боем Кургала последовал часовой перерыв, необходимый, чтобы оба финалиста могли отдохнуть в равной мере. Зрителей заняли культурной программой, но трибуны шумели, игнорируя выступавших перед ними поп-знаменитостей Данагота. Всех волновал только один вопрос: на кого лучше сделать главную ставку, чтобы не уйти с турнира с пустыми руками? Разумеется, Кургал, с его опытом и богатырским телосложением, внушал больше доверия, чем молодой, никому не известный боец со странностями, но в этом и скрывалась интрига: чем больше людей поставят на стабильность, тем на больший куш смогут рассчитывать те, кто изберет риск.

– Лично я ставлю на новичка, – улыбаясь и потирая руки, объявил Мэнриот мэру. – И в прямом и в переносном смысле.

– Вы богатый человек, можете себе позволить. А что, если молодой человек проиграет? – усомнился мэр.

Мэнриот хохотнул:

– Поверьте, я выиграю в любом случае!

Мэр посмотрел удивленно. В это время запели трубы, вызывая на бой лучших из лучших.

Горн вновь вышел в зеленом. Кургал – в черном. Горн был с мечом любимого размера с лезвием порядка шестидесяти сантиметров. Кургал – с мечом потяжелее, более метра длиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.